

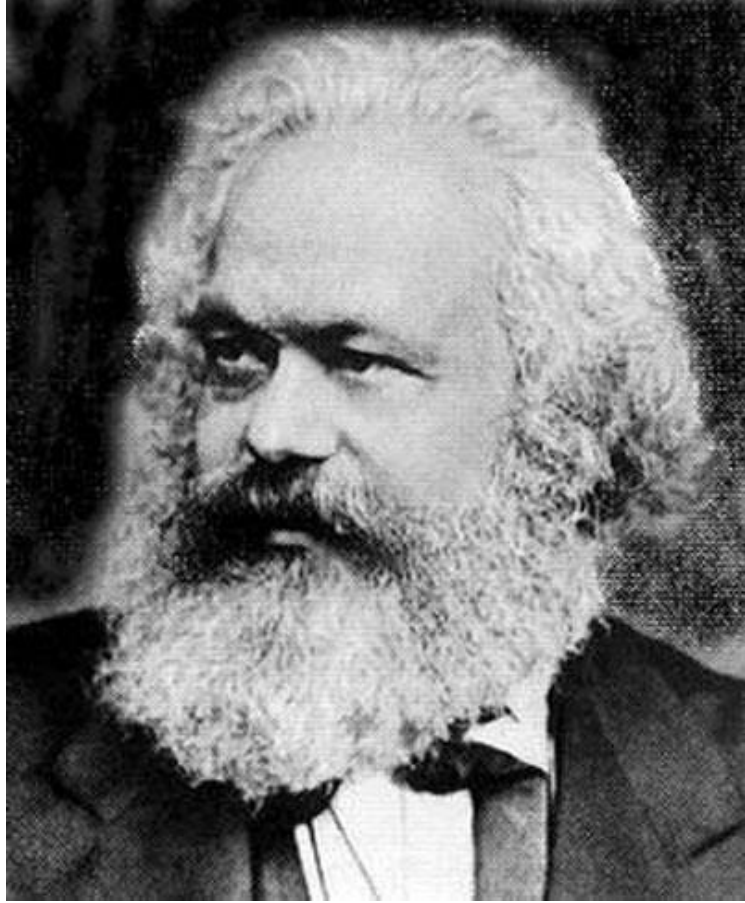
Владислав Фельдблюм

**Марксизм: переосмысление и развитие на
междисциплинарной основе
(к 195-летию со дня рождения и 130-летию
со дня смерти Карла Маркса)**

Самостоятельное электронное издание

Ярославль

2013

<http://www.kenthaber.com/Resimler/2008/01/26/00317239.jpg>

Содержание	стр.
1. Об отношении к марксизму.....	4
2. О политической экономии XXI века (ответ оппоненту).....	7
3. Междисциплинарная общеэкономическая теория	9
4. Междисциплинарная общеэкономическая теория и советская политэкономия	17
5. О нашем советском прошлом.....	22
6. Перестройка: объективная необходимость или историческая случайность?	26
7. Капитализм с российской спецификой	31
8. Новое гуманное общество – историческая альтернатива капитализму и коммунизму	45
Заключение.....	49
Литература	52
Приложение 1. Я взял у Маркса самое главное (ответ Сергею Корягину)	54
Приложение 2. Для понимания сути исторических событий необходим широкий и непредвзятый анализ (ответ Сергею Корягину)	56
Об авторе	58
Вместо знака копирайта	60

В этом году исполняется 195 лет со дня рождения и 130 лет со дня смерти Карла Маркса. В советское время эта дата, без сомнения, была бы широко отпразднована. Теперь же о ней мало кто вспоминает. Это вообще характерно для нашего общественного сознания: оно играет человеком, то вознесёт его высоко, то в бездну бросит без следа! Карл Маркс – великая личность. Его учение оказало огромное влияние на всю историю XX века. Его работы сформировали в философии диалектический и исторический материализм, в экономике – теорию прибавочной стоимости, в политике – теорию классовой борьбы. Эти направления стали основой мирового коммунистического и социалистического движения и соответствующей идеологии – марксизма. Карл Маркс является автором широко известного «Манифеста коммунистической партии», впервые опубликованного в 1848 году. Под знаменем марксизма русские большевики много лет вели борьбу с царизмом, совершили Октябрьскую революцию 1917 года. В советской стране Маркса почитали как «основоположника научного коммунизма», как «великого учителя и вождя мирового пролетариата». Его фундаментальный труд «Капитал» считался хрестоматией советской идеологии и политической экономии. Памятники Марксу, Энгельсу и Ленину во всех уголках нашей страны до сих пор напоминают о нашем советском прошлом. После перестройки, в начале 90-х, имя Карла Маркса начали предавать анафеме. Пальму первенства захватили те самые ученые, которые при советской власти славословили Маркса, получая за это высокие научные звания, премии, награды. Но когда власть сменилась, они начали рьяно доказывать несостоятельность марксизма. Конечно, ошибаться может каждый. Признание своих ошибок и изменение взглядов не могут быть предметом порицания. Но в данном случае речь о другом – лицемерии, трусости, карьеризме.

1. Об отношении к марксизму

Приступая к чтению этой статьи, часть читателей наверняка ждёт модной разгромной критики человека, которого не так давно называли классиком. Другие, наоборот, хотели бы увидеть ностальгию по незаслуженно отвергнутому учению. Должен разочаровать и тех, и других. Есть цивилизованное и нецивилизованное отношение к марксизму. Последнее превращает марксизм либо в икону, либо в исчадие ада. Серьезная наука – за цивилизованное отношение. Несколько слов об отношении к марксизму крупных экономистов. Известно, что серьёзное отношение к марксизму было присуще, например, Йозефу Шумпетеру. Он отнюдь не был

правоверным марксистом. Наоборот, его в СССР считали откровенным апологетом капитализма. Но он отмечал "важную точку соприкосновения" своей теории капитала с теорией Маркса, хотя в целом не был согласен с его выводами. Он писал: "Тем не менее, есть момент, в котором наша точка зрения сходится и с его взглядами, и с концепциями тех, на кого он более или менее оказывает влияние" [1]. Достаточно высоко оценивал экономическое учение Маркса и Василий Леонтьев. Он отметил у Маркса "блестящий анализ долговременных тенденций развития капиталистической системы" [2]. Отдал должное Марксу и Джон Гэлбрейт, отметив, что Маркс "предвидел многие тенденции капиталистического развития" [3]. В одной из лучших зарубежных книг по истории экономических учений отмечены такие ценные качества Маркса, как "способность доводить какой-либо экономический аргумент до логического завершения", "искусство абстрактного дедуктивного убеждения", "умение выявлять взаимосвязи между различными проявлениями экономической активности", "способность к эмпирическому обобщению на основе пристального наблюдения экономической жизни". Но этот же автор находит у Маркса "логические ошибки", "искажение фактов", "неоправданные выводы из исторических событий", "почти умышленное игнорирование слабостей в его собственном анализе" [4].

Наиболее дальновидные исследователи ещё в начале прошлого века стремились не столько противопоставлять альтернативные концепции, сколько искать в каждой из них часть научной истины. Выдающийся русский экономист Михаил Иванович Туган-Барановский, отметив разделение политической экономии на два противоположных направления, теорию предельной полезности и марксизм, выдвинул представления, которые не укладывались в рамки ни одного из этих направлений. Мне посчастливилось прочитать первое издание его фундаментальной книги [5]. В предисловии к ней Туган-Барановский констатировал: "Мои теоретические взгляды имеют нечто общее как с теорией предельной полезности, так и с теорией Маркса". В теории предельной полезности он усматривал "единственно возможное основание научной теории ценности", а у Маркса он позаимствовал "социальную точку зрения на экономические явления". К сожалению, в советское время такой синтетический подход заклеямили как "эклектический", чем нанесли отечественной экономической науке такой удар, от которого она и до сих пор не оправилась. Французский экономист Эмиль Жамс, который отнюдь не был сторонником марксизма, ещё полвека назад дал пример цивилизованного отношения к нему. Это были годы, когда СССР явил миру грандиозные достижения в науке и технике. Эмиль Жамс писал: "Даже ни в коей мере не разделяя коммунистической идеологии, можно понять, что успехи в выполнении экономических планов, достигнутые строителями новой России, открыли перед трудящимися такие перспективы, каких они не имели в начале века. Марксизм уже не кажется какой-то ересью по отношению к подлинной

науке. Он принят всерьёз, является предметом анализа и комментариев, даже со стороны тех, кто не верит в него и боится его влияния" [6].

С тех пор многое изменилось. Больше нет Советского Союза. Многие уже успели "позабить" о реальных социально-экономических достижениях в советский период нашей истории. Они неустанно повторяют примитивный тезис о том, что за десятилетия советской страны в ней не было ничего хорошего. В отличие от Э.Жамса, многие наши "учёные" с необыкновенной лёгкостью поспешили объявить марксизм ересью. Но они ошибаются. Конечно, ни одна научная теория не может считаться абсолютной истиной, справедливой на все времена. Маркс блестяще проанализировал природу и тенденции развития капитализма своего времени. Многие его прогнозы подтвердились. В ряде стран произошли предсказанные им социальные революции. Но Маркс не мог предвидеть во всех деталях ход будущего общественно-экономического развития. Он не дожил до современного капитализма, не изучал его законов. Как показывают исследования, современный капитализм является существенно иной общественно-экономической формацией по сравнению с капитализмом времён Маркса. Не оправдались и прогнозы Маркса о неминуемой гибели мирового капитализма в пламени пролетарской революции, и его учение о пролетариате как "могильщике" мирового капитализма. Не предвидел Маркс и того, что капитализм со временем научится предотвращать или смягчать регулярные разрушительные кризисы перепроизводства, которые были ему присущи на ранних стадиях. За пределами экономической теории Маркса осталось и исследование регулирующей роли государства с целью предотвращения или сглаживания колебаний рыночной конъюнктуры и деловой активности. Наконец, и грандиозные достижения современной научно-технической революции наложили отпечаток на весь ход мировой истории. По этим и другим причинам революционное содержание марксизма постепенно стало терять своё значение.

Нельзя не сказать и о том, что, хотя марксизм был провозглашён официальной идеологией в нашем советском прошлом, многие советские идеологи даже не давали себе труд внимательно и вдумчиво читать подлинные труды Маркса. Ключевые положения марксистской экономической теории часто искажались. Были и объективные причины. История поставила советскую страну перед фактом враждебного капиталистического окружения, и это не могло не приводить к отступлениям от марксистской теории в реальной политике. Сохранилось ли сегодня что-нибудь рациональное в марксизме? Или, как считают многие, он безнадежно устарел? Как показывают исследования, самым главным в экономической теории Маркса с современных позиций следует считать строгое научное определение понятия «труд», впервые сформулированное в первом томе "Капитала". Прежде это как бы отступало на второй план, заслонялось революционным содержанием марксизма. А между тем, именно гениальное

определение Марксом процесса труда сохраняет непреходящее научное значение. Это определение легло в основу междисциплинарной общеэкономической теории [7,8].

2. О политической экономии XXI века (ответ оппоненту)

Один из моих непримиримых критиков из числа ортодоксальных марксистов пишет: *«Алхимия Фельдблума в том, чтобы развить и дополнить Маркса, очень нехитра. Прочтет Маркса с Энгельсом, поверит им кое в чем, возьмет это "кое-что", смешает с тем, о чем прочтет у Самуэльсона, Минса, Маршалла и т.д., да и назовет все это "политэкономией XXI века»*. Попытаюсь ответить на эту критику.

Политическая экономия совсем не случайно представлена множеством различных направлений, теорий и научных школ. Ранние представления уходят еще во времена Аристотеля и Платона. Разного рода эмпирические наблюдения мы видим у авторов красочных памфлетов, очерков или басен XVII-XVIII веков (Б.Мандевиль, Р.Кантильон, Дж.Локк, Д.Норс). Затем появляются гениальные наброски – предвестники классической политической экономии Уильяма Петти. Период формирования политической экономии как науки уже отмечен двумя альтернативами: физиократы (П.Буагильбер, Ф.Кенэ, А.Р.Ж.Тюрго) и меркантилисты (Ж.Б.Кольбер, Т.Ман, Дж.Стюарт). На смену этим направлениям пришла классическая политическая экономия (А.Смит, И.Бентам, Ж.Б.Сей, Ж.Сисмонди, Д.Рикардо, Н.У.Сениор, Дж.С. Милль). По мере её развития нюансы во взглядах снова приводят к альтернативе, на этот раз в виде марксизма (К.Маркс) и неоклассицизма (У.С.Джевонс, К.Менгер, Л.Вальрас, А.Маршалл, И.Фишер, А.Пигу).

Идет время, возникают новые представления, множатся и альтернативы. Марксистская политическая экономия, сохраняя и приумножая наиболее ортодоксальных сторонников (В.И.Ленин, Р.Люксембург, М.Добб, П.Суизи, П.Баран), дает ответвление в виде институционализма (Т.Веблен, У.К.Митчел, Дж.Коммонс). Неоклассическая политическая экономия, в свою очередь, разделяется на полемизирующие между собой школы кейнсианцев (Дж.М.Кейнс, П.Самуэльсон, Дж.Робинсон), австрийцев (Э.Бём-Баверк, Й.Шумпетер, Ф.Хайек, Л.Мизес), неорикардянцев (П.Сраффа), чикагцев (М.Фридмен) и др. Но и внутри каждой школы взгляды подчас оказываются не только различными, но и диаметрально противоположными (Й.Шумпетер и Ф.Хайек у австрийцев или Дж.Р.Коммонс и Дж.К.Гэлбрейт среди институционалистов). Что касается нашего времени, и особенно

нынешней России, то мы наблюдаем весьма широкий разброс мнений, граничащий с полной разногласицей.

Различия между альтернативными школами и направлениями обычно возникали из-за различного понимания природы экономического поведения людей. Например, марксистов больше всего интересовало влияние воспроизводственного процесса на поведение людей. Они считали наиболее важным социальные отношения. Отношения между собственниками и работниками рассматриваются как основа экономического исследования. Неорикардянцы основывают свой анализ поведения людей на моделях капиталистического производства, в которых доминирует физический количественный подход. Их внимание сосредоточено на технических соотношениях, а не на социальных явлениях. Институционалисты связывают экономическое поведение с культурными ценностями и обычаями. Посткейнсианцы обращают основное внимание на макроэкономические агрегированные модели. Но при всех различиях большинство научных школ сходятся в признании сложности и систематической взаимосвязанности социально-экономических явлений, в признании наличия социального конфликта и его исторической обусловленности, в признании факта постоянных социальных перемен, в признании того, что современное индустриальное общество требует той или иной степени планирования для удовлетворения возрастающих потребностей людей. Выводы междисциплинарной общеэкономической теории вполне согласуются с перечисленными утверждениями.

Наиболее дальновидные исследователи еще в начале XX века стремились не противопоставлять альтернативные концепции, а искать в каждой из них часть истины. Выдающийся русский экономист В.К.Дмитриев предпринял попытку математического анализа одновременно трех экономических теорий: теории ценности Риккардо, теории конкуренции Курно и теории предельной полезности Вальраса. Свои очерки Дмитриев характеризует как «одно органическое целое» и как «вполне законченное учение об общих элементах ценности» (В.К.Дмитриев. Экономические очерки. Серия I: Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности. – М.: Типо-литография Н.Рихтер, 1904, стр. 142). Почти одновременно М.И.Туган-Барановский, отметив разделение политической экономии между двумя направлениями – школой предельной полезности и марксизмом – выдвинул представления, которые не укладывались в рамки ни одного из этих направлений. Он писал в предисловии к своей книге: «Мои теоретические взгляды имеют нечто общее как с теорией предельной полезности, так и с теорией Маркса» (М.И.Туган-Барановский. Основы политической экономии. – Санкт-Петербург: Типография АО «Слово», 1909). В теории предельной полезности Туган-Барановский видел «единственно возможное основание научной теории ценности», а у Маркса он заимствовал «социальную точку зрения на

экономические явления». И подвел итог: «Таким образом, не будучи правоверным учеником ни Госсена, ни Маркса, я нахожу много ценного и верного в воззрениях того и другого».

Казалось бы, прогрессивная, логичная и строго научная постановка вопроса. Но нет. Позднее, в советский период, такой синтетический подход заклеямили как «эkleктический». Тем самым отечественной общественной науке нанесли такой удар, от которого она и до сих пор не оправилась. В научный обиход был запущен ложный тезис о «партийности» общественной науки вообще и политической экономии – в частности. Все, что не укладывалось в прокрустово ложе официальной идеологии, безжалостно истреблялось. «Буржуазными направлениями» были объявлены не только исследования общественной направленности, но и некоторые естественные науки: генетика, кибернетика, химическая теория резонанса и др. Их авторы подвергались гонениям и даже уничтожались. В результате советская наука по ряду важных направлений на десятилетия отстала от заграницы. И это отставание сохраняется до сих пор.

Междисциплинарная общеэкономическая теория призвана решительно освободиться от консервативного наследия. Реальная жизнь – сложная и многоплановая, а не одномерная и плоская, как мышление некоторых моих критиков. Политическая экономия XXI века должна адекватно отражать реальную жизнь, давать обществу и государству достоверные результаты, делать правильные выводы и быть способной на надежный, научно обоснованный прогноз.

3. Междисциплинарная общеэкономическая теория

Современное общественное производство представляет собой сложную динамическую систему, с множеством прямых и обратных связей. Здесь протекают параллельно-последовательные процессы: механические, химические, экономические, экологические, биологические и другие. Каждый тип процессов глубоко изучается своей самостоятельной наукой. Но вся их совокупность требует для изучения междисциплинарного подхода, требует творческого взаимодействия различных научных дисциплин. Для глубокого понимания законов функционирования этой сложной системы больше не годятся те методы, которые столь привычны для наших философов, экономистов, социологов.

Карл Маркс верил в возможность создания общеэкономической теории. Правда, он писал об этом достаточно осторожно: «Нет никакого сомнения в том, что человеческое производство во всех формах имеет известные неизменные законы или отношения. Это идентичное является совершенно простым и может быть суммировано очень немногими общими местами» [12,

том 48, стр. 157]. Маркс был убежден в необходимости взаимодействия наук о природе и обществе. Он даже утверждал, что в будущем естествознание и наука о человеке станут одной наукой [12, том 42, стр. 124]. Тем самым Маркс предвосхитил идею о междисциплинарном характере будущего экономического учения. Особенно большое значение Маркс придавал применению математики. В письме Энгельсу в 1873 году Маркс писал: «Ты знаешь таблицы, в которых цены, учетный процент и т.д. представлены в их движении в течение года и т.д. в виде восходящих и нисходящих зигзагообразных линий. Я неоднократно пытался – для анализа кризисов – вычислить эти повышения и понижения как неправильные кривые и думал (да и теперь еще думаю, что с достаточно проверенным материалом это возможно) математически вывести из этого главные законы кризисов» [12, том 33, стр. 71-72]. И хотя Маркс не сумел решить эту задачу, его прозорливость и в данном случае поражает воображение. Современная математическая экономика сумела продвинуться в этом направлении. Известно также, что Маркс дал в «Капитале» числовую схему расширенного воспроизводства и проиллюстрировал её расчётом на пятилетний период. Эта схема подробно изучалась советским экономистом В.С.Немчиновым и автором настоящей статьи. В книге [7] разработан алгоритм расчета накопления капитала по числовой схеме Маркса на любой заданный год. В качестве примера сделан расчет на ЭВМ накопления капитала для 10-го и 20-го годов расширенного воспроизводства.

В процитированной книге Эмиля Жамса есть важная констатация: "Изучать длительный период - это значит идти дальше скрупулёзных моделей и эконометрических таблиц, составленных современными теоретиками. Это значит вернуться в область исследований первых экономистов-классиков начала XIX века и вслед за ними поставить вопрос, куда идёт наша экономика, к застою или к прогрессу...Трудная задача!" [6, стр.462]. Трудность задачи усугублялась тем, что, как выяснилось, работы классиков не содержат строго научного определения понятия "труд", ключевого для политической экономии. Знаменитая книга Адама Смита [9] начинается прямо с главы о разделении труда. Давид Рикардо, Франсуа Кенэ, Анн Тюрго, Джонн Милль также не дают в своих сочинениях строгого определения понятия о труде. Альфред Маршалл ограничился лишь указанием на то, что "производство, в узком смысле этого слова, изменяет форму и свойства предметов" [10, том 1, стр.123]. Что же касается понятия "труд", то Маршалл лишь цитирует в своей книге определение Джевонса: "Можно определить труд как всякое умственное или физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достичь какого-либо результата, не считая удовлетворения, получаемого непосредственно от самой проделанной работы" [10, том 1, стр. 124]. Определение Джевонса хорошо уже тем, что в нём, по крайней мере, говорится о результате труда. В то же время, его не назовёшь строгим или научным, ибо оно указывает на цель труда, но не раскрывает его сущности. Согласно такому определению,

"трудом" следует считать и такой вид деятельности, как "умственное и физическое усилие" карманного вора или взломщика сейфов, предпринимаемое для достижения конкретного результата!

Нет строгого научного определения понятия о труде и у Йозефа Шумпетера. Он следующим образом определяет процесс производства: "Производить - значит комбинировать имеющиеся в нашем распоряжении вещи и силы...Результатами являются продукты" [1, стр. 72-73]. Это определение уже ближе к истине. В нём упоминаются производительные силы, а главное - продукты труда, т.е. то, ради чего люди трудятся. Но и это определение сводит процесс производства лишь к неким "комбинациям" вещей и сил. Похожее определение даёт Василий Леонтьев. Он определяет производственный процесс как "переработку одного ряда переменных, затрат, в другой ряд - выпуск продукции". Количественная взаимосвязь между затратами и выпуском определяется "набором всевозможных технологических вариантов". Леонтьев пишет: "Среди всевозможных технически доступных комбинаций затраты-выпуск фирма выбирает одну, которая позволяет максимизировать разницу между доходом и издержками" [2, стр. 46]. Это определение относится к современной производственной фирме, стремящейся максимизировать свою прибыль. Отдавая должное блестящей разработке В.Леонтьевым метода "затраты-выпуск", играющего важную роль в планировании современного производства, в то же время нельзя не отметить, что его определению понятия о труде явно не хватает историчности и научной общности. В истории человечества были времена, когда ещё не было ни фирм с их прибылью, ни развитой финансовой системы, ни набора всевозможных технологических комбинаций. Но уже был труд, было материальное производство, хотя и достаточно примитивное. Да и в наше время сообщество людей, занятых созидательным трудом, отнюдь не состоит только из фирм, максимизирующих свою прибыль.

Что касается современных экономических учебников, то им конечно не до таких высоких материй, как научное определение понятия о труде! Они сугубо прагматичны. Вот, например, одно такое определение: "Труд - это широкий термин, который экономист употребляет для обозначения всех физических и умственных способностей людей, применимых в производстве товаров и услуг...Работы, выполняемые лесорубом, продавцом, машинистом, учителем, профессиональным футболистом, физиком-ядерщиком - все они охватываются общим понятием "труд" [11, стр.37]. Согласно такому "определению", труд - это лишь набор способностей, а раскрытие сущности труда прагматично подменяется перечислением профессий. О созидательной и преобразующей роли труда здесь нет и речи.

Все рассмотренные выше определения понятия о труде нельзя признать удовлетворительными. На их основе невозможно получить ответы на важные вопросы. Каков механизм труда? Каковы главные факторы, управляющие

трудом и всем социально-экономическим процессом? Какова историческая эволюция трудовой деятельности людей? Какова роль характера труда в революционных социально-экономических переменах, которыми так богата история? Каковы наиболее важные, наиболее общие законы материального производства на разных этапах истории? Является ли наше настоящее лишь звеном в хаотическом наборе исторических случайностей или оно объективно обусловлено? В какой социально-экономической системе мы живём? Можно ли направленно и эффективно управлять нашей социально-экономической системой? Можно ли надёжно прогнозировать наше будущее и что мы должны делать уже сегодня для безопасного и стабильного развития в долговременной перспективе? На все эти вопросы нельзя получить ответы на основе поверхностных суждений о понятии «труд». В результате многолетней работы с литературой только в первом томе "Капитала" Карла Маркса я обнаружил по-настоящему полное и точное определение понятия о труде. Интересно, что именно этому определению наши "знатоки" марксистского наследия придавали меньше всего значения! Они подчёркивали у Маркса революционный характер его учения, исторический и диалектический материализм, сокрушительную критику пороков капиталистической системы, учение о прибавочной стоимости как источнике несправедливого обогащения капиталистов, обоснование неизбежности социальной революции и ведущей роли в ней пролетариата как "могильщика" капитализма, учение о "научном коммунизме". Многие из этого оказались опровергнутыми новейшей историей. Но данное Марксом уникально точное определение понятия о труде сохраняет непреходящее научное значение. Именно на этом определении основана междисциплинарная общеэкономическая теория.

Читаем у Маркса: "Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействия на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействий на другие вещи" [12, том 23, стр. 190]. Таким образом, согласно Марксу, имеются средство труда, работники и предмет труда. Работники помещают средство труда между собой и предметом труда. При этом образуется производственный комплекс. Далее Маркс пишет: "В процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда...Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы" [12, том 23, стр. 191-192]. Это гениальное определение обладает настолько филигранной точностью, что оказалось возможным выразить его в виде строгой логической схемы и описать математически, используя глубокую аналогию с некоторыми физико-химическими процессами. Это и было сделано, причем впервые. Опустим для краткости подробности, которые можно прочитать в

книге [7]. Если бы я не был физико-химиком, то наверняка не обратил бы внимания на эту поразительную аналогию. Что происходит при химической реакции, протекающей в присутствии катализатора? Учитывая, что читателем этого сообщения может быть и неспециалист, упростим изложение и отметим лишь главное. Имеются исходное вещество-реагент и катализатор. Они образуют каталитический комплекс. В нём реагент превращается в продукт реакции. Эту химическую реакцию специалисты по физической химии уже давно изображают так называемой кинетической схемой. И вот, удалось сделать поразительное наблюдение: если сравнить обе схемы, то получается абсолютно полная аналогия!

Эту удивительную аналогию можно было бы считать чисто случайной, формальной. Мало ли на свете похожих вещей? Из этого ещё не следует, что между ними существует глубокое внутреннее сходство, что их свойства подчиняются похожим закономерностям. Однако, дальнейшее исследование показало, что в данном случае перед нами - не формальная, а очень глубокая аналогия. В сущности, материальное производство, со всеми его деталями и разветвлениями, в конечном итоге представляет собой единый процесс превращения совокупных сырьевых ресурсов в необходимый людям совокупный общественный продукт. Этот процесс осуществляется совокупной рабочей силой, которая использует для этого совокупные производственные средства - своего рода "экономические катализаторы". В химическом процессе продукт реакции отделяется от катализатора, который, таким образом, может повторно взаимодействовать с реагентом, и этот процесс постоянно повторяется. И то же самое происходит в общественном производстве: средства труда воспроизводятся, и осуществляется повторный производственный цикл. Дальше - больше. В химии процесс осуществляется в химическом реакторе, а в обществе - в экономическом пространстве. Химическому понятию скорости реакции можно поставить в соответствие понятие скорости общественного производства. Материальному балансу химической реакции соответствует экономический баланс, но уже не только в натуральном, как в химии, но и в денежном выражении. Важными характеристиками химических реакций являются константы скорости. По аналогии, есть экономические факторы, определяющие скорость общественного производства. Ключевым понятием физической химии является энергия активации химического процесса. В экономике это - трудовая активность экономических агентов. И этот перечень химических и экономических аналогов можно продолжить.

Здесь мы подходим к принципиально важному моменту. Разумеется, надо быть действительно сумасшедшим, чтобы не видеть различий между химией и экономикой! Можно было бы отвергнуть любые сравнения столь далёких отраслей научного знания уже на том основании, что в химии действуют атомы и молекулы, а в экономике - живые люди. Но отказ от дальнейшего сравнительного исследования был бы ошибкой. Принять такое основание

означало бы априори отказаться от любых попыток поиска и изучения того общего, что связывает общественные процессы с природными. Вместо категорического отказа следует попытаться учесть, хотя бы частично, принципиальные различия между природными и общественными процессами. Это - трудная, но выполнимая задача. Одно из главных различий состоит в том, что химические константы постоянны во времени, в то время как соответствующие им по смыслу экономические факторы - переменные величины. Над этим вопросом задумывались многие. Василий Леонтьев отметил: "В отличие от большинства естественных наук мы изучаем систему, которая не только чрезвычайно сложна, но и к тому же находится в состоянии непрерывного изменения" [2, стр. 270]. А ещё раньше изменчивость экономических факторов подчеркивал Маршалл: "Материя, с которой имеет дело химик, всегда остаётся той же самой, но экономическая наука, подобно биологии, имеет дело с материей, внутренняя природа которой и строение, как и её внешняя форма, постоянно изменяются" [10, том 3, стр. 210]. (Как химик, я прощаю Маршаллу его небезупречное суждение о химической материи, а как экономист - полностью с ним согласен.). Интересное суждение по этому вопросу высказал и Пигу: "Гравитационная постоянная всегда одна и та же. Экономические же величины...в силу своей природы зависят от человеческого сознания и подвержены изменениям" [13]. Я подробно цитирую, чтобы подчеркнуть - различия между химическими и экономическими процессами, конечно, не были упущены из виду в ходе моих междисциплинарных исследований.

Смысл и значение этой удивительно глубокой аналогии между экономическими и химическими процессами заключаются в том, что открывается уникальная возможность применить для математического анализа общественного производства уже давно известные и надёжные математические методы физической химии. Конечно, с учётом того, что сказано не только об аналогии, но и о больших различиях между этими процессами. Нет смысла утомлять читателя сложными схемами, логическими построениями и математическими выкладками. Они интересны для тех, кто имеет желание глубоко вникнуть в существо рассматриваемой проблемы. Для глубокого понимания всего этого требуется довольно широкое образование. Я потратил на это многие годы. Подробности можно прочитать в моих книгах. Здесь скажу лишь о главных результатах. Выведено уравнение "одушевлённой производственной функции" (ОПФ). В отличие от традиционных производственных функций, уравнение ОПФ включает, наряду с обычными макроэкономическими переменными, "человеческие факторы" (психологические факторы мотивации труда). Как оказалось, известная из математической экономики производственная функция Кобба-Дугласа является частным случаем ОПФ. Более того, из общего уравнения ОПФ вытекают в качестве частных случаев производственные функции конкретных общественно-экономических систем: первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и т.д. Этот результат

можно сравнить с некоторыми важными открытиями естествознания, например с открытием Шрёдингером волнового уравнения в квантовой химии.

В результате исследований удалось решить трудную задачу - сформулировать наиболее общие социально-экономические законы не только словесно, но и математически. Многие из этих формулировок принципиально иные, чем в прежней советской политической экономии. В частности, впервые сформулирован основной экономический закон современного капитализма. Показано его отличие от закона прибавочной стоимости Маркса, справедливого для капитализма в его ранних формах. По-новому сформулирован основной экономический закон социализма и, в частности, его советского варианта, который оказался построенным в нашей стране. По-новому раскрыта сущность концепции коммунизма, установлена её глубокая связь с современной концепцией постиндустриального общества. С позиций новой теории рассмотрены марксистские понятия производительных сил и производственных отношений. Конкретизировано и уточнено с современных позиций фундаментальное положение Маркса о необходимости соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Проведен сравнительный анализ марксистского учения об общественно-экономических формациях и альтернативной теории стадий экономического роста. Установлена определяющая роль фактора мотивации труда в революционных социально-экономических переменах.

Перевод концептуального аппарата традиционной политической экономии на строгий язык математики означает, по существу, рождение новой науки - математической политэкономии. Конечно, эта новая наука не предназначена для точных количественных расчётов сложнейших общественно-экономических процессов. Но важно уже и то, что выведенные новые уравнения содержат ключевые переменные, от которых зависит социально-экономическая динамика, показывают характер взаимосвязи между этими переменными. Междисциплинарная общеэкономическая теория принципиально отличается от новомодной «экономикс». В междисциплинарной общеэкономической теории действуют живые люди, а не бездушные "экономические агенты", конкурирующие между собой для извлечения максимальной прибыли. В новой теории не действует тот известный постулат "экономикс", что ни один экономический агент ни при каких обстоятельствах не отказывается даже от небольшой денежной суммы. Экономическая деятельность в новой теории не сводится только к механическому перемещению товарных и денежных потоков навстречу друг другу. Междисциплинарная общеэкономическая теория прямо включает в экономические отношения между людьми психологические, этические, моральные, нравственные факторы. Главная ценность междисциплинарной общеэкономической теории в том, что она более полно учитывает

совокупность социально-экономических факторов в их взаимосвязи. Поэтому она позволяет делать правильные выводы и прогнозы там, где до сих пор пытаются с учёным видом фантазировать или гадать на кофейной гуще. Открывается возможность более глубокого понимания и научного предвидения социально-экономических процессов.

Междисциплинарная общеэкономическая теория изучает и некоторые вопросы методологии науки, принципиально важные для её дальнейшего развития. В частности, междисциплинарная общеэкономическая теория наследует глубокий интерес Маркса и Энгельса к применению математических и естественнонаучных методов в политической экономии. Следует отвергнуть распространённые ныне представления о невозможности использования математических методов для описания сложных общественных явлений и процессов. Необходимо исходить из того, что математика является тем мостиком, который объединяет гуманитарное и естественнонаучное мышление. Математика играет важную синтезирующую роль в перемещении духовных ценностей из одной сферы интеллектуальной деятельности в другую. Более того, с усложнением предмета исследования роль математических методов возрастает. Главное не в том, что математика чаще всего имеет дело с количественными оценками и точными расчётами, а в том, что математика на строго научной основе изучает качественные характеристики сложных объектов. Она способствует объединению формальных методов мышления с неформальными, характерными для гуманитарных наук. Вместе с тем, междисциплинарная общеэкономическая теория не имеет ничего общего с голым теоретизированием, с подменой глубокого научного исследования математической формалистикой, с уходом из жизни в сферу формул и цифр без реального содержания. Решающий критерий всегда один - подтверждение теоретических построений общественной практикой, реальной жизнью.

Междисциплинарная общеэкономическая теория считает принципиально важным проводить различие между идеологией и наукой. Для идеологии, как правило, характерен недостаточно объективный, односторонний подход к трактовке сложных общественных явлений, характерно стремление действовать в интересах определённых социальных групп, часто не отражающих жизненных интересов большинства населения. Наука отличается от идеологии системностью подходов, преемственностью развития, комплексным и всесторонним анализом изучаемых объектов, тщательной проверкой соответствия между теорией и практикой. Конечно, учёные нередко ошибаются. Но недостаточность или ошибочность тех или иных научных представлений не снимает принципиального различия между идеологией и наукой. Наука совершенствуется, пополняется знаниями, обогащается новыми методами исследования. Конституционное положение о недопустимости господства какой-либо идеологии в нынешнем российском обществе не должно распространяться на науку. По мере успехов науки, по

мере приближения гуманитарных наук к естествознанию с точки зрения надёжности результатов и способности к прогнозированию, государство сможет и должно в возрастающей степени опираться на науку при разработке оптимальной государственной политики. Междисциплинарная общеэкономическая теория вносит свой вклад в объективно неизбежный процесс продуктивного взаимодействия и постепенного сближения наук о природе и обществе.

Удивительно, но факт – многие остепененные и титулованные ученые особы и до сих пор не верят в саму возможность создания общеэкономической теории. Они без конца твердят о крайней сложности общественных явлений и невозможности их описания математическими методами, кто упорно рассуждает о непроходимой методологической пропасти между естествознанием и гуманитарными науками. Между тем, на примерах из истории науки показано, что подобная аргументация ещё сотни лет назад приводилась в отношении многих сложных явлений, которые к настоящему времени детально изучены и описаны математически. Междисциплинарная общеэкономическая теория развенчивает застарелый и бесплодный индетерминизм, препятствующий развитию гуманитарных наук и постепенному их приближению по степени надёжности и достоверности к естествознанию и математике. Ошибаются и те, кто утверждает, будто в наше время общеэкономическая теория уже не нужна. Без современной общеэкономической теории нельзя понять ни событий в России, ни её перспектив в непрерывно развивающемся мире. Объективные законы общественного развития никто не отменял, они продолжают действовать, и без знания обществом этих законов невозможен реальный путь страны к прогрессу.

4. Междисциплинарная общеэкономическая теория и советская политэкономия

Карл Маркс изучал капитализм своего времени. Советская политэкономия изучала тот вариант социализма, который в силу исторических причин был построен в СССР. Междисциплинарная общеэкономическая теория охватывает по времени длительный исторический период. Она доводит анализ до нынешней России и до наших дней.

Советская политэкономия охарактеризовала основные черты первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической общественных формаций. В междисциплинарной общеэкономической теории даны как словесные, так и математические формулировки основных экономических законов этих формаций. Эти формулировки отличаются от таковых в советской политэкономии. Показано, что из общего уравнения ОПФ вытекают в качестве частных

случаев уравнения ОПФ для каждой конкретной общественной системы. Кроме того, междисциплинарная общеэкономическая теория выявляет возможность существования и других общественных систем, ещё не известных из исторического опыта. Это имеет большое значение для понимания перспектив социально-экономического развития в России и в мире.

Междисциплинарная общеэкономическая теория позволяет уточнить и конкретизировать советскую формулировку основного экономического закона как закона соответствия между характером производственных отношений и уровнем развития производительных сил. Новая теория ставит в центр этого определения фактор мотивации труда. В "Экономических рукописях 1857-1859 годов" (первоначальном варианте "Капитала") Карл Маркс прогнозировал, что в будущем удастся вывести "первые уравнения", которые по аналогии с естествознанием смогут описывать состояние социально-экономической системы. Он собирался заняться этой работой, но не успел [12, том 46, часть 1, стр. 449]. В междисциплинарной общеэкономической теории этот прогноз нашёл подтверждение. Такие уравнения выведены, причём, как и предполагал Маркс, на основании глубокой аналогии экономических и естественных процессов.

Карл Маркс считал, что основным закон капитализма – закон прибавочной стоимости. В новой теории показано, что применительно к современному капитализму этой формулировки уже недостаточно. В нашу эпоху технологически сложных и опасных производств мотив прибыли часто уступает место факторам надёжности и безопасности. В междисциплинарной общеэкономической теории отдельно сформулированы экономические законы раннего и современного капитализма. Карл Маркс предсказывал неизбежную гибель капитализма в пламени пролетарской революции. В междисциплинарной общеэкономической теории исследовано, почему этот прогноз до сих пор не оправдался. Показано, что современный капитализм трансформировался в многофакторную систему, с многочисленными прямыми и обратными связями, с множеством степеней свободы для социально-экономической адаптации. Возросшая регулирующая роль государства позволяет современному капитализму видоизменяться и разрешать наиболее острые социальные противоречия без губительных революционных катаклизмов.

Карл Маркс считал главным злом капитализма частную собственность и капиталистическую эксплуатацию. В междисциплинарной общеэкономической теории проанализированы серьёзные изменения характера наёмного труда в современную эпоху, отмечается повышение роли компетентного менеджмента и усиление тенденции к гуманизации труда. Нельзя недооценивать тот факт, что есть разные пути, по которым частные собственники могут расходовать свою прибыль. Это определяет

структуру и противоречия в обществе, от этого зависят уровень и качество жизни людей. Тотальная экспроприация капиталистов, которую Маркс и Энгельс считали обязательной, в наше время заменяется законодательством, побуждающим или принуждающим частных владельцев к экономической деятельности не только в личных, но и в общественных интересах. Национализация средств производства – один из возможных законодательных инструментов, наряду с приватизацией. Другим цивилизованным инструментом ограничения антиобщественных сверхвысоких доходов стала прогрессивная система налогообложения, действующая ныне в большинстве экономически развитых стран.

Карл Маркс объявил пролетариат могильщиком капитализма. В новой теории проанализировано серьёзное отличие современного наёмного работника от пролетария времён Маркса. Повышение роли менеджеров и квалификации исполнителей способствует надёжной работе современных технически сложных производств, которых ещё не было в эпоху Маркса. Возросшая роль профсоюзов в сочетании с регулирующей ролью государства в экономически развитых странах обеспечивают нынешним квалифицированным наёмным работникам значительно более высокий жизненный уровень по сравнению с временами Маркса. Советская политэкономия формулировала основное противоречие капитализма как противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения. В новой теории отмечается, что эта формулировка справедлива лишь для раннего капитализма времён Маркса. В наше время форма собственности отходит на второй план по сравнению с мотивацией экономической деятельности. Высокая мотивация может иметь место и при государственной, и при частной собственности.

Междисциплинарная общеэкономическая теория утверждает, что такие фундаментальные категории советской политэкономии, как базис и надстройка, в наше время изменили своё содержание. Устарело и представление о том, что в ходе исторического развития надстройка обязательно следует за базисом. Несколько примеров. В нынешнем Китае уже почти капиталистический базис, но надстройка прежняя – направляющая и руководящая роль коммунистической партии. Нынешняя Россия унаследовала у бывшего СССР предельно монополизированную экономику, но при этом возникла крупная частная собственность и рыночные производственные отношения. При типично капиталистической германской экономике, там следуют особому «германскому пути» в надстройке – идут по пути «социальной рыночной экономики», сочетающей государственное планирование и свободную конкуренцию. К такому варианту стремится и нынешняя Россия, правда ей пока это плохо удастся. Если взять такую типично капиталистическую страну, как Швеция, то там при

капиталистическом «базисе» уже давно функционирует специфическая «надстройка» в виде так называемого «шведского социализма». В цитадели современного капитализма – США – государство умело координирует экономическую деятельность и частного сектора, и государственного сектора, направляя её в русло общенациональных интересов. В междисциплинарной общеэкономической теории прежние философские категории базиса и надстройки заменены вполне конкретными понятиями, которые заимствованы из современной математической экономики. К ним относятся природные ресурсы, экономическое пространство, производственные фонды (капитал), общая численность населения и число работников, фактор научно-технического прогресса. Но, в отличие от традиционной математической экономики, междисциплинарная общеэкономическая теория добавляет к числу таких факторов и «человеческие факторы» - психологические факторы мотивации труда. Это очень важно. Именно это привносит в междисциплинарную общеэкономическую теорию представление об общественном характере трудового процесса и характеристику общественных отношений в условиях каждой конкретной общественно-экономической формации.

Междисциплинарная общеэкономическая теория пересматривает с современных позиций представления советской политэкономии о классах и классовой борьбе. М.И.Туган-Барановский ещё в начале XX века отметил: «Одним из наиболее важных понятий общественной науки является понятие общественного класса; к сожалению, однако, оно принадлежит к числу тех, которыми все пользуются, не заботясь об их точном определении» [5, с. 503]. Признавая "самое глубокое содержание" трудов К.Маркса и Ф.Энгельса в области учения об общественном классе, Туган-Барановский отметил, что *строгого определения* понятия "класс" их труды не содержат. Он критиковал некоторые положения марксизма о политической и классовой борьбе. Он привёл пример Англии, где в то время рабочий класс составлял большинство населения и обладал наиболее мощными экономическими организациями, но, тем не менее, обнаружил меньше всего склонности к самостоятельной политической роли. "Это показывает, до какой степени неверно обычное у марксистов отождествление политических партий с конституированными классами", - писал Туган-Барановский [5, с. 518]. Сам он полагал, что "классовый интерес, как он ни могуществен, есть лишь один из многих интересов, волнующих современное общество", причисляя к таким интересам "национальное чувство" и "религиозный интерес". Туган-Барановский сделал вывод, что группировку населения по политическим партиям определяют "самые сложные и разнообразные чувства, интересы, традиции, привычки и побуждения". Среди всех этих моментов, по мнению Туган-Барановского, "классовые интересы не всегда играют первенствующую роль".

Критикуя марксистские представления о классе и классовой борьбе, М.И.Туган-Барановский дал своё определение понятия общественного класса. Он определил класс как "общественную группу, члены которой находятся в одинаковом экономическом положении по отношению к общественному процессу присвоения одними общественными группами прибавочного труда других групп и вследствие этого имеют общих антагонистов и общие экономические интересы в процессе общественного хозяйства" [5, с. 507]. Таким образом, критикуя Маркса, Туган-Барановский в своём определении использовал, тем не менее, марксистскую концепцию присвоения прибавочного труда.

Второе определение понятия "класс" принадлежит В.И.Ленину: "Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению...к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства" (В.И.Ленин. Полное собрание сочинений в 55 томах, 5-е издание, том 39, стр. 15). Несмотря на внешнее различие, определение В.И.Ленина в главном не отличается от определения М.И.Туган-Барановского. В конечном счёте, и здесь всё ассоциируется с концепцией присвоения, хотя перечислены и другие признаки общественного класса, уже рассмотренные у Маркса или Туган-Барановского.

Понятие о классе неотделимо от понятия о классовой борьбе. Это подчёркивали и Маркс, и Туган-Барановский, и Ленин. Не было бы борьбы - не возникло бы понятие о классе. Будущее коммунистическое общество, в понимании Маркса и его последователей, должно быть бесклассовым. Но в переходный период, при социализме, классовая борьба не исчезает, а "только меняет свои формы, становясь во многих отношениях ещё ожесточённое" (там же, том 38, с. 386). Этот ленинский тезис в дальнейшем развил И.В.Сталин, и это во многом определило его политику репрессий.

В.И.Ленин и его последователи не очертили той границы, за которой классовая борьба начнёт затухать. Можно было думать, что эта борьба должна сопровождать социализм вплоть до его перерастания в бесклассовое коммунистическое общество. Это очевидное противоречие, возможно, разрешилось бы в случае победы социализма во всемирном масштабе. Но этого не произошло. Капитализм выстоял и, во многом изменившись, живёт и развивается до сих пор. Репрессии в мире социализма стали ослабевать, и это не удивительно – ведь они не могли продолжаться вечно. Вместе с репрессиями начала сходить на нет и принудительная мотивация труда, которая играла большую роль в командной экономике. В то же время, ни

материальный и творческий интерес, ни научно-технический прогресс не компенсировали явное снижение трудовой активности. События нашего времени со всей очевидностью подтверждают определяющую роль фактора мотивации труда в социально-экономических переменах.

Междисциплинарная общеэкономическая теория увязывает понятие общественного класса с фактором мотивации труда. Классовая борьба во все времена и во всех странах - это, в сущности, борьба между теми, кто принуждает людей к труду или поддерживает это принуждение, и теми, кто стремится освободиться от принудительного труда и устроить мир таким образом, чтобы работать стало интересно. Это простое, очевидное человеческое стремление лежит в основе всех зигзагов и хитросплетений истории. Оказывается, это естественное стремление людей не так просто реализовать. Для этого необходим определённый, достаточно высокий уровень развития и каждого человека, и всего общества. Для этого человечество проходило и ещё будет проходить те ступени, которые можно называть и стадиями экономического роста по У.Росту, и общественно-экономическими формациями по К.Марксу.

5. О нашем советском прошлом

В научных журналах наши философы продолжают задаваться бесконечными вопросами типа "кто мы", "откуда мы", "где мы". Это на их языке называется "поисками нашей идентичности". Средства массовой информации тоже с неослабевающим интересом возвращаются к оценкам нашего советского прошлого. Одни яростно охаивают его, другие наоборот превозносят, в зависимости от личных пристрастий и партийных симпатий. Куда идти, каким путём? - в наше непростое время эти вопросы особенно актуальны. Мнения подчас прямо противоположные. И это характерно не только для рядовых граждан, но и для элиты, влияющей на решения властей. А власти, в условиях дефицита интеллектуальной ясности, нередко предпочитают просто ничего не делать. Оправдывают бездействие известным медицинским принципом "не навреди". Принцип полезный. Но на нём далеко не уедешь: надо иногда и меры принимать во избежание летального исхода по причине халатности врачей!

Все еще сохраняется опасность, что страна будет блуждать ощупью, в плену эмпиризма и эмоциональных всплесков, шарахаясь от одного политического акцента к другому. Это будет продолжаться до тех пор, пока власть чётко не заявит, а общественное сознание не воспримет достаточно широкий и непредвзятый научно-исторический подход к оценкам нашего прошлого. Подход без излишних эмоций, без искажения и умолчания. Подход, основанный на осознании всей грандиозности, сложности и противоречивости пути, пройденного народом. Подход, содержащий серьёзный научный анализ и вытекающий из него достоверный

политический прогноз. Такой подход выработать трудно, но необходимо. Его становлению и пытаются способствовать междисциплинарная общеэкономическая теория.

Связь времён нельзя понять исключительно путём жарких дебатов на форумах, на круглых столах и даже на новомодных "мозговых штурмах". Истина устанавливается путём серьёзного научного исследования. Достоверность фактической основы, строгая логика рассуждений, информативные и надёжные методы исследования, непредвзятость и широта мышления, историчность и преемственность, умение видеть главное и не пренебрегать второстепенным, высочайшая добросовестность при оценке собственного научного вклада на фоне предшествующего научного багажа - всё это определяет успех или неудачу научного исследования.

Подчас поражает примитивно-однобокая оценка нашей истории, в частности её советского периода. Одни без усталости ругают Октябрьскую революцию и большевиков, буквально обливают грязью всё советское прошлое. Но это не мешает им и до сих пор пользоваться тем, что было создано ещё в советской стране, поскольку нового пока построено далеко не столько, сколько необходимо. Другие, наоборот, ностальгируют по большевистской власти, упорно не хотят видеть ничего, даже бесспорно хорошего, в нашей новой жизни. Один пенсионер прислал мне по электронной почте ругательное письмо за то, что я упоминаю о некоторых очевидных достижениях демократии, которые нам следует сохранить. Пришлось напомнить ему, что теперь у него есть компьютер, на котором он имеет право читать всё, что хочет, и даже писать ругательные письма. А ведь в советские времена у него этой возможности не было!

Разруха в головах и ожесточённое противостояние подогреваются жизненными невзгодами, несправедливостью, оскорбительным и унижительным разрывом между немногими сверхбогатеями и массой бедняков. Столь высокое социальное расслоение невозможно оправдать никакими доводами здравого смысла, и оно продолжает усугубляться. Людям трудно поверить обещаниям, что положение может измениться к лучшему в результате новаций, рассчитанных на длительную перспективу. Такая обстановка негативно влияет и на умонастроения интеллектуалов. Многие склонны к крайним оценкам, жизнь не благоприятствует широкому и непредвзятому мышлению. Например, сколько можно сокрушаться по поводу "трагедии" в нашей истории - Октябрьской революции 1917 года? Сколько можно сваливать на советскую власть все наши прошлые и настоящие беды? До каких пор в советском прошлом будут усматривать только репрессии и другой негатив, игнорируя бесспорные социально-экономические достижения?

Вспомним историю. Революции происходили во многих странах. Начало европейским буржуазным революциям положила революция в Нидерландах. Много лет продолжалась английская буржуазная революция 17-го века. Она сопровождалась кровавыми событиями. Армия Оливера Кромвеля несколько лет сражалась с королевскими войсками. В 1645-1648 г.г. они были разгромлены, а в 1649 году был казнён король Карл I Стюарт. Но на этом исторические коллизии не закончились. В 1653 г. была установлена военная диктатура Кромвеля, но в 1660 г. вновь пришла к власти монархия Стюартов, признавшая основные буржуазно-демократические завоевания. Но и это было ещё не всё. В 1688-1689 г.г. произошла так называемая "славная революция". Она представляла собой государственный переворот, который окончательно закрепил власть буржуазии. И как же после всех этих событий англичане относятся к своей истории? Хорошо относятся. В современной Англии уживаются королевская власть с правительственной властью, монархические атрибуты прошлого - с современными реалиями. Народ Англии бережно хранит память о своей богатой истории и её героях.

Не менее драматичной была и Великая французская революция. Один из её деятелей, Жорж Дантон, активно участвовал в подготовке восстания. В 1792 году был свергнут, осуждён и казнён король Людовик XVI, а в 1794 году был казнён по приговору революционного трибунала и сам Дантон. Революционеры не пожалели даже великого учёного Антуана Лавуазье, одного из создателей современной химии. Он был откупщиком и за это казнён по приговору всё того же революционного трибунала. Всё это не мешает нынешним французам чтить память и о династии Бурбонов, и о своей революции, и о Дантоне, и о Лавуазье.

А разве не было пролито море крови во время гражданской войны в США между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом в 1861-1865 г.г.? В результате разгрома основных сил южан и победы Севера установилось господство буржуазии, и было официально уничтожено рабство. Этот драматичный период американцы помнят, изучают и описывают в произведениях искусства. Но никому из мало-мальски серьёзных людей в Америке и в голову не приходит обливать грязью историю своей страны.

Что касается нашей российской истории, то отношение в обществе к её персонажам слишком часто характеризуется односторонним подходом и крутыми поворотами от одних оценок к прямо противоположным. Царь Иван Грозный по праву почитается за объединение русских земель и укрепление российской государственности. И это при том, что он ввёл опричнину (прообраз наших органов госбезопасности), что его внутренняя политика сопровождалась массовыми репрессиями и усилением закрепощения крестьян и что ему были присущи крайняя жестокость и несдержанность.

Другого русского самодержца, Петра Первого, называют Великим. Он осуществил масштабные реформы, в ходе которых построил новые заводы, развил торговлю, основал Сенат, создал регулярную армию и флот, разделил страну на губернии, построил Петербург, открыл новые учебные заведения, основал Академию наук. Он проявил себя незаурядным полководцем в ходе успешных военных сражений. Но при этом предпочитают не принимать во внимание, что он пришёл к власти путём коварного свержения и заточения в монастырь своей сестры царевны Софьи. Умалчивают и о восстании стрельцов (1698), которое было вызвано усилением тягот и притеснениями начальников. Стрелецкое восстание было подавлено с необычайной жестокостью. Более тысячи стрельцов было казнено сразу же, а последующие следствия и казни длились ещё девять лет. Оставляют вне поля зрения и то, насколько жестокими методами проводились реформы Петра и какую цену заплатили за них простые люди. Угнетение народных масс достигло невиданных масштабов и привело к массовым акциям протеста (Архангельское и Булавинское народные восстания и др.).

Вспомним начало XX столетия, царствование Николая II, японскую и первую мировую войны: страна, конечно, развивалась, но с какими лишениями для рабочих и крестьян! В условиях крайнего обострения всех социальных противоречий стали абсолютно закономерными и революция 1905 года, и революция в феврале 1917 года, и последующая Октябрьская революция, и Гражданская война. Главное, что определяло весь ход последующих событий, это суровая необходимость выживания и развития страны в условиях разрухи, враждебного окружения, отсутствия иностранной помощи, угрозы внешней агрессии. Нельзя оправдывать жестокость сталинского режима. Но необходимо учитывать и другое: при таких невероятных трудностях и в условиях внутривластной борьбы власть не могла оставаться белой, мягкой и пушистой. Ещё неизвестно, что стало бы со страной в 1941 году или даже раньше при более слабом руководстве. Охотников за российскими землями и природными богатствами всегда предостаточно!

Мы ежегодно отмечаем героическую победу советского народа в Великой Отечественной войне. Справедливо говорим о народном подвиге, но при этом стыдливо уходим от признания очевидных вещей. А эти вещи надо называть своими именами. У народа было руководство. Смешно и глупо делать вид, что народ победил, а коммунистическая партия и лично Сталин в этом не участвовали. О том, что миллионы людей умирали с именем Сталина на устах, предпочитают не вспоминать. А почему, собственно? Сталин реально руководил страной, и все её достижения и победы - это достижения и победы Сталина. Да, Сталин был сложной и неоднозначной исторической личностью. Он был умён, но как всякий живой человек допускал ошибки. Его ошибки дорого обошлись стране. Мог ли на его месте оказаться более мудрый, более прозорливый, более справедливый, более

гуманный руководитель? Мог бы. Но история не терпит сослагательного наклонения: во главе страны оказался именно Сталин, со всеми его заслугами, достижениями, просчётами, ошибками и жестокими политическими решениями, продиктованными как дефектами его личности, так и сложными историческими условиями, в которых оказалась страна.

Междисциплинарная общеэкономическая теория рассматривает историю цивилизации, со всеми её поворотами и зигзагами, как закономерный общеисторический процесс, как единый акт освобождения человечества от насилия и стремления построить более справедливое и гуманное общество. История России - составная часть этого процесса. Более того, что бы ни говорили, Россия вот уже сто лет объективно является фактическим лидером этого процесса. Без признания этого фундаментального тезиса мы не сможем понять нашего прошлого и настоящего, не сможем двигаться по пути прогресса. Нам необходимо бережно хранить и уважать всю нашу историю. Надо беспристрастно оценивать и наше советское прошлое. В нём было всё. Был энтузиазм строителей нового мира. Было искреннее желание власти привести страну к счастливому будущему. Была жестокость власти, часто неоправданная. Были просчёты в политике. Была героическая победа в Великой Отечественной войне. Было восстановление в невиданно короткий срок разрушенного народного хозяйства, и это - не меньший подвиг, чем победа в войне. Были впечатляющие достижения в развитии науки, в создании новой техники, в культуре и искусстве, которые возвеличили человека труда и раскрыли его творческие возможности. Был выход в космос, осуществлённый впервые в мире. Было создание великой мировой державы, второй после США по общему уровню экономического развития. Но наступил и период застоя, который привёл страну к печально известным событиям. По историческим меркам нам незачем стыдиться нашего советского прошлого. Более того, мы можем им гордиться. Что бы ни говорили, но в общеисторическом масштабе это всё-таки была попытка огромной страны совершить революционный прорыв к более справедливому общественному строю, в отдалённое будущее человечества. И эта попытка необратимо изменила мир.

6. Перестройка: объективная необходимость или историческая случайность?

К началу 80-х годов прошлого века все сильнее проявлялись застойные явления в советской экономике. Страна стала отставать от США по ряду важнейших экономических показателей, включая военную технику и освоение космического пространства. Отсутствовала необходимая динамика в научно-техническом развитии. Для этих негативных явлений были серьезные причины. Основное противоречие советского социализма заключалось в объективной невозможности (в условиях противоборства с экономически эффективной системой современного капитализма)

удовлетворять возрастающие потребности людей при дефиците материального и творческого интереса к труду, при несовершенном планировании развития народного хозяйства, при явно недостаточном использовании достижений науки и техники. Многие советские люди испытывали чувство глубокого разочарования и недоверия в отношении тоталитарно-бюрократической системы. Слишком велик был разрыв между лозунгами и реальной жизнью. Рабочие были недовольны низкими заработками и тяжёлыми условиями труда. У колхозников к этому добавлялась необустроенность сельского быта. Интеллигенция постоянно ощущала тотальный контроль со стороны высокомерных и невежественных партийных чиновников. Руководители предприятий были задёрганы бесконечными директивами, циркулярами, запросами и заведомо невыполнимыми планами. Это недовольство прежде было загнано вглубь массовыми репрессиями, но, когда они ослабли, стало прорываться наружу.

Импульсом к начавшимся серьёзным переменам в жизни советского общества явился, несомненно, фундаментальный факт глобального масштаба. В разгар "холодной войны" история цивилизации достигла поворотного пункта. Общество осознало, что война между СССР и США, двумя ядерными сверхдержавами, представляющими две различные и соперничающие социально-экономические системы, наверняка приведёт к гибели цивилизации и, тем самым, обеих этих систем. С этого момента прежнее мирное сосуществование (с риском начала войны в любой момент) начало переходить в стадию сближения и большей открытости. Это, в свою очередь, подтолкнуло советское общество к осознанию собственных проблем и к их сравнению с проблемами и образом жизни стран Запада.

Некоторые склонны усматривать в перестройке поражение СССР в "холодной войне" или результат некоего предательства. Дело, однако, не в терминологии. Нельзя недооценивать того важного факта, что советский социализм своим существованием на протяжении десятилетий оказал огромное преобразующее влияние на мир капитализма. Начало этому влиянию положила Великая депрессия, когда "новый курс" президента Рузвельта немало позаимствовал у советской практики государственного регулирования экономики. Характеризуя мировую динамику общественно-экономического развития, академик Андрей Дмитриевич Сахаров писал, что без социализма буржуазный практицизм и эгоистический принцип частной собственности рождал "людей бездны". Только конкуренция с социализмом и давление рабочего класса сделали возможным, по мнению Сахарова, социальный прогресс двадцатого века и "дальнейший, теперь уже неизбежный, процесс сближения двух систем" (А.Д.Сахаров. Тревога и надежда. - М.: Интер-Версо, 1990, стр. 42). Теперь пришло время советскому обществу сделать шаг навстречу Западу во избежание самого худшего – гибели цивилизации в пожаре ядерной войны. И если бы в 1985 году к власти не пришёл М.С.Горбачёв, то рано или поздно другой советский лидер

вынужден был бы сделать свой вклад в этот "неизбежный процесс сближения двух систем". Это сближение в условиях советского общества, до того закрытого для мира капитализма, объективно не могло не привести к серьёзным внутренним переменам.

Если необходимость перемен осознавалась обществом, то в отношении способов их практического осуществления такой ясности не было. Книга М.С.Горбачёва «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (М.: Политиздат, 1988) была столь же сильна в критике недостатков существовавшей системы, сколь дискуссионна во всём, что касалось программы реформ. Собственно, программы и не было. Это было, конечно, плохо. Отсюда - многие последующие ошибки и просчёты в политике. Ведь ещё великий Леонардо да Винчи сказал: "Влюблённые в практику без науки - словно кормчий, ступающий на корабль без руля и компаса; он никогда не уверен, куда плывёт. Всякая практика должна быть воздвигнута на хорошей теории, вождь и врата которой - перспектива...Наука - полководец, а практика - солдаты" (Леонардо да Винчи. Избранные естественнонаучные произведения. - М.: Изд. АН СССР, 1955, стр. 23).

Можно ли на этом основании предъявить серьёзные претензии к инициаторам перестройки? Это - сложный вопрос. Беда в том, что как раз науки на тот момент и не было. Круг замыкался. Объективно вопрос стоял так: начинать ли кардинальные перемены в условиях, когда они становятся всё более необходимыми, а научно обоснованная программа для осуществления этих перемен отсутствует? Конечно, можно было повременить, подождать ещё лет десять - двадцать. Возможно, за это время общество с помощью науки лучше подготовилось бы к неприятной, но неизбежной процедуре. Но могло случиться иное. Политическое, экономическое и военное противостояние двух систем настолько обострило бы ситуацию, что последствия могли бы намного превзойти все издержки перестройки, начатой в 1985 году. Несомненно, принятие этого решения - акт мужества со стороны М.С.Горбачёва. Объективная оценка этого решения ещё впереди. Краткосрочные исторические последствия не дают для этого достаточных оснований.

Серьёзный упрёк инициаторам и руководителям перестройки может быть лишь один. Надо было, сознавая масштабы предстоящих преобразований, особенности нашей страны и отсутствие чёткой научной программы, действовать более осмотрительно, не разрушать то, что могло ещё работать до создания адекватной замены. Надо было более тщательно анализировать возможные последствия каждого последующего шага реформ, своевременно корректировать политику во избежание разрушительных последствий. Не следовало злоупотреблять тезисом о нехватке времени. Этот тезис сослужил такую же плохую службу, как в своё время тезис Сталина о необходимости всеобщей форсированной коллективизации на селе или, позднее, решение

Хрущева о массивированных повсеместных насаждениях кукурузы. Многие учёные и политики на Западе и не предполагали, что советские лидеры в пылу реформаторства разрушат даже то, что следовало бы усовершенствовать. Так, В.В.Леонтьев прогнозировал: "Советы собираются перенять только западную экономическую науку, а не западные экономические институты. Есть все основания полагать, что это вполне осуществимо" [2, стр. 221]. Он и не предполагал, что реформаторы пойдут на уничтожение государственного социально-экономического планирования. Напротив, В.В.Леонтьев был уверен, что "в будущем введение научных методов планирования повысит общую производительность советской экономики". Он был убеждён, что "преимущества, которые русские извлекут из усовершенствования процесса принятия решений, на практике будут особенно значительными" [2, стр. 228]. В.В.Леонтьеву явно не хватило воображения, чтобы представить себе революционно-разрушительный размах российских реформаторов. С 1992 года централизованное планирование фактически перестало функционировать. При отсутствии развитых рыночных отношений наша экономика и система управления оказались и без плана, и без рынка!

Перестройка началась под лозунгом "ускорения". В учебнике писали: "Особая задача плана в условиях перестройки - обеспечить коренное ускорение научно-технического прогресса...Сейчас речь идёт о широком фронте внедрения научно-технических достижений в производство" (Политическая экономия: учебник для вузов / В.А.Медведев, Л.И.Абалкин и др. - М.: Политиздат, 1990, стр. 553). Но в жизни всё было по-другому. Ведь в СССР, в отличие от западных стран с их капиталистической конкуренцией, все сколько-нибудь серьёзные технические новшества внедрялись под давлением сверху. Для этого раздавались награды за успехи и наказания за неудачи, при неослабном жёстком контроле. Именно так создавались новые крупные производства, главным образом в оборонных и смежных с ними отраслях. Механизма самовозрастания научно-технического потенциала не было. В этих условиях было невозможно совместить научно-технический прогресс с курсом на демократизацию общества и на "демонтаж командно-административной системы". Это вскоре поняли, об "ускорении" замолчали и заявили, что научно-технический прогресс возможен только при условии перехода к рыночной экономике.

С этого момента начался развал научно-технического потенциала страны, а перестройка перешла в стадию всеобщей политической и экономической реформы. Ещё Альфред Маршалл отметил, что крайняя нетерпимость к социальным болезням так же вредна, как и крайняя терпеливость по отношению к ним. Советское общество долго терпело болезни тоталитаризма, и теперь оно начало проявлять крайнюю нетерпимость к ним. Это вызвало синдром разрушения практически по всем направлениям. В терминологии междисциплинарной общеэкономической теории, за короткий

срок почти одновременно снизились значения многих производственных факторов. Принудительная мотивация к труду исчезла, но ей на смену не пришла эффективная заинтересовывающая мотивация. Разрушалось экономическое пространство, нарушалось снабжение производства сырьевыми ресурсами. Сокращалась квалифицированная рабочая сила в базовых отраслях. По различным причинам простаивали и сокращались производственные мощности. Научно-технический прогресс оказался заброшенным, планирование свёрнутым. Резко снизилась управляемость сложными производственными комплексами. Всё это и многое другое привело к резкому спаду производства.

При таком развитии событий была предпринята попытка стабилизации экономики. Но она напоминала усилия пилота вывести из штопора самолёт с нарушенным управлением. К маю 1990 года стало очевидным, что программа стабилизации экономики не работает. Именно тогда и подняли на щит идею перехода к рынку. Она быстро приобрела официальный статус. В мае 1990 года на сессии Верховного Совета СССР Н.И.Рыжков выступил с докладом "Об экономическом положении страны и о концепции перехода к регулируемой рыночной экономике". Начался рыночный ажиотаж. Пальму первенства захватили учёные. В их рядах возникла цепная реакция перевёртышей. Академики и членкоры, доктора и профессора, десятилетиями доказывавшие преимущества плановой системы хозяйства и получавшие за это не только высокие степени и звания, но и значки лауреатов, в один момент превратились в рьяных рыночников. Их примеру последовали подведомственные научные учреждения, их ученики и все те, кто усмотрел в этом верный путь ловли званий и чинов.

Были, правда и противники столь поспешного перехода к рынку. Но их всерьёз уже не принимали. Между тем, на Западе даже явные сторонники рыночной экономики трезво оценивали и её негативные стороны. Например, в популярном у рыночников учебнике читаем: "В реальной действительности экономические системы располагаются где-то между крайностями чистого капитализма и командной экономики" [11, том 1, стр. 48]. Авторы отмечают, что рыночная экономика задействует личный материальный интерес как мощный стимул экономического роста. Она делает ставку на роль экономической свободы в условиях конкуренции. Но, в то же время, "соблюдение личного экономического интереса не следует смешивать с эгоизмом" [11, стр. 52]. Что же касается конкуренции, то "хотя с общественной точки зрения конкуренция желательна, она больше всего досаждаёт индивидуальному производителю своей безжалостной действенностью" [11, стр. 89]. Далее нам разъясняют, что "достижение максимальной эффективности производства на основе применения новейшей технологии часто требует существования небольшого числа относительно крупных фирм, а не большого числа относительно мелких". Это, оказывается, ведёт к "угасанию конкуренции", к снижению её роли в экономике. Более

того, нам разъясняют, что для конкурентной экономики могут быть характерны такие негативные явления, как расточительное и неэффективное производство, чрезмерное неравенство в распределении дохода, нарушения рыночного механизма, неустойчивость и др. Наконец, оценивая рыночную экономику в целом, весьма дипломатично пишут, что "это сложный вопрос" и что "научного ответа на такой вопрос не существует" [11, стр. 88].

Там, где западные экономисты оказались достаточно объективными, наши новоявленные рыночники уже имели готовый "научный" ответ! Финалом этого рыночного ажиотажа явилась либерализация цен, осуществлённая правительством Б.Н.Ельцина и Е.Т.Гайдара. Впрочем, справедливости ради, нельзя не отметить, что в создавшейся к этому времени обстановке такая мера была уже вынужденной. Иные решения были возможны ещё два-три года назад. Но это правительство приняло тяжёлое наследство. Народное хозяйство было изувечено предыдущими разрушительными процессами. Так случилось, что в 1995 году, почти одновременно вышли из печати книга Е.Т.Гайдара "Государство и эволюция" и моя книга "К общеэкономической теории через взаимодействие наук". Мы обменялись книгами. В своей книге Егор Тимурович очень точно описывает ту обстановку, в которой он согласился возглавить правительство: "Магазины были пусты, деньги (советские дензнаки) не работали, приказы не выполнялись, нарастало ощущение "последнего дня". Речь шла об угрозе голода, холода, паралича транспортных систем, развала страны...Вот в эти дни и начались "пожарные реформы" и была призвана команда "камикадзе". Нас позвали в момент выбора" (Егор Гайдар. Государство и эволюция. - М.: Изд. Евразия, 1995, стр. 152-153).

Это и в самом деле был исторический выбор, но не между социализмом и капитализмом. Это был выбор между действенностью автомата Калашникова и силой денежных стимулов, выбор между гражданской войной и худым миром. И был сделан выбор в пользу пусть худого, но мира. Освобождение цен и либерализация торговли вызвали относительное снижение совокупного спроса и выброс на рынок множества до этого дефицитных товаров, в том числе импортных. Полки магазинов наполнились. Это успокоило население, породило надежды на лучшее будущее. Наиболее опасный сценарий развития ситуации был предотвращён.

7. Капитализм с российской спецификой

Капитализм оказался значительно более живучей общественно-экономической системой, чем думали Маркс и Энгельс. Но означает ли это, что капитализм вечен и имеет устойчивую историческую перспективу? Новейшие исследования опровергают такой взгляд. Да, современный капитализм во многом изменился по сравнению с ранним капитализмом времен Маркса и Энгельса. Но он по-прежнему подвержен финансово-

экономическим кризисам. Джордж Сорос, один из наиболее преуспевающих бизнесменов в западном мире, автор и апологет известной концепции «открытого общества», в 1998 году издал книгу под выразительным заголовком «Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности». Через год эта книга вышла в переводе на русский язык. Её заголовок говорит сам за себя и в комментариях не нуждается. Через три года появилась ещё одна книга того же автора [14]. В ней Джордж Сорос пишет: «Я считаю, что пропаганда рыночных принципов зашла слишком далеко и стала слишком односторонней. Рыночные фундаменталисты верят в то, что лучшим средством достижения общего блага является ничем не ограниченное стремление к благу личному. Это ложная вера, и, тем не менее, она приобрела очень много последователей. Именно она является помехой на пути к нашей цели – глобальному открытому обществу» [14, стр. 171].

В 1993 году вышла книга Збигнева Бжезинского "Вне контроля. Мировой беспорядок на пороге двадцать первого века" [15]. Уже из заголовка книги видно беспокойство автора положением дел в мире. Автор недвусмысленно констатирует надвигающийся кризис мирового капитализма. По его признанию, своей жизнеспособностью современный капитализм во многом обязан тому, что он «сумел перенять у социализма некоторые формы социальной политики» [15, стр.58]. Теперь, считает автор, «если не будут предприняты определённые меры к тому, чтобы поднять значение моральных критериев, обеспечивающих самоконтроль над обогащением как самоцелью, американское превосходство может долго не продержаться». Серьёзного внимания заслуживает и следующий прогноз автора: «Мощнейшие общественные взрывы, очевидно, произойдут в тех странах, которые вслед за свержением тоталитаризма с наивным энтузиазмом лелеяли демократический идеал, а затем поняли, что обманулись» [15, стр. 217]. Автор считает лишь вопросом времени отрицательную общественную реакцию на «демократическую практику» и на «экономические результаты свободного рынка», если они не приведут к «наглядному улучшению социальных условий». Збигнев Бжезинский считает, что в «посткоммунистических» странах либерализм «оказался не слишком привлекательным». По его мнению, «нужны новые идеи». Не выдвигая их, автор сетует на то, что «неравенство становится всё менее терпимым». Это приводит автора к выводу: «Глобальное неравенство, по-видимому, становится ключевой проблемой политики в двадцать первом веке» [15, стр. 174-183].

В том же духе высказывается французский журналист и социолог Игнацио Рамоне. В своей книге "Геополитика хаоса" [16] он выразительно описывает подрывную роль ничем не ограниченной коммерческой свободы. Сходные взгляды высказывает знаменитый французский социолог Ален Турен, один из основоположников концепции постиндустриального общества. «Сможем ли мы жить вместе?», - ставит вопрос Турен. И даёт

следующий ответ: чтобы выжить на планете, люди должны «создать и построить новые формы частной и коллективной жизни» [17]. Своеобразным откликом на реформы в России стала опубликованная в 2001 году в Нью-Йорке книга бывшего государственного секретаря США Генри Киссинджера "Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии 21-го века" [18]. Главный вывод автора состоит в том, что под влиянием перемен в США и в мире за последние двадцать лет, нынешние США находятся на распутье. Что касается России, то автор, в сущности, не верит в действенность рыночных реформ. Например, он пишет: "За десять лет, последовавших за крахом коммунизма, Россия, несмотря на уговоры Запада и многомиллиардную финансовую поддержку, продвинулась к нормальной рыночной экономике не больше, чем к демократии" [18, стр. 216].

Серьёзный анализ положения в мире и в том числе в России дал бывший руководитель группы экономических советников американского президента Билла Клинтона, вице-президент Всемирного банка, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2000 год Джозеф Стиглиц. В 2002 году он опубликовал в Нью-Йорке книгу, которая через год вышла в переводе на русский язык [19]. Автор указывает на необходимость "коллективных действий общемирового масштаба" (стр. 224). Он подчёркивает негативные последствия глобализации и настоятельную потребность направить этот процесс в управляемое русло: "Если глобализация будет и дальше развиваться таким же образом, каким она протекала раньше, если мы и впредь будем отказываться делать выводы из собственных ошибок, то она не только не сможет способствовать развитию, но будет и дальше порождать бедность и нестабильность" (стр. 248). Реформы в России в 90-е годы Джозеф Стиглиц подвергает резкой критике за отсутствие постепенности и оптимальной последовательности проводимых преобразований. Убедительную позицию демонстрирует и американский социолог Эммануил Валлерстайн. Его книга с симптоматичным заголовком "Упадок американской мощи: США в хаотическом мире" вышла в Нью-Йорке в 2003 году [20]. Автор без обиняков заявляет: "Запад вошёл в полосу массивного кризиса - не только экономического, но и фундаментального политического и социального. Мировой капитализм находится в кризисе как социальная система...Мы отчаянно нуждаемся в нахождении значительно более рациональной общественной системы" [20,стр.95]. Автор убеждён, что если США не сумеют "соединить эффективность с гуманизмом", то их будущее окажется под угрозой.

Тему необходимости пересмотра современного миропорядка и роли США в мире развивает Збигнев Бжезинский в новой книге "Выбор: мировое господство или мировое лидерство?" [21]. Книга написана по следам террористического акта 11 сентября в США и войны в Ираке. Автор с тревогой размышляет о возможном конце "американской эпохи". Его беспокоит нарастание неуправляемости в современном мире на фоне

приумножения потенциальных угроз. Сохраняющие пока ещё силу и благополучие страны Запада уже начинают "цепенеть от страха". Автор пытается понять причину этого страха: "Слабые обладают огромным психологическим преимуществом. Им почти нечего терять, тогда как сильные могут потерять всё, и эти опасения их пугают" [21, стр. 44]. (Как тут не вспомнить знаменитый лозунг Маркса и Энгельса из "Манифеста коммунистической партии" о том, что пролетариям нечего терять в их борьбе, а приобретут они весь мир! - В.Ф.). Бжезинский считает, что претензии Америки в мировой политике "должны быть чётко обозначены и не оборачиваться самоуправством" [21, стр. 162]. Он рекомендует Соединённым Штатам "быть более внимательными к опасностям, вытекающим из несправедливостей глобализации, поскольку это может породить всемирную реакцию в виде идеологии антиамериканизма" [21, стр. 228]. Вывод автора однозначен: Америке следует умерить свои имперские амбиции. Ей следует стремиться к роли не гегемона, а лидера. Она должна стать страной, которую не боятся, а уважают.

Хронический мировой финансовый кризис внёс окончательное отрезвление в головы тех, кто прежде яростно защищал ценности современного капитализма. Средства массовой информации пестрят выразительными заголовками. "Величие Америки рухнуло и раскололось на куски" - так озаглавлена статья Джона Грея в "Обсервер" (Великобритания), опубликованная 1 октября 2008 г. Американская "Ньюс Уик" напечатала 6 октября 2008 г. статью Френсиса Фукуямы "Падение корпорации "Америка": рухнули не только крупнейшие компании Уолл-стрита, рухнул определенный набор представлений о капитализме". По мнению Джорджа Сороса, мировой экономике нужен "новый двигатель". Эра рыночного фундаментализма подошла к концу. В интервью компании некоммерческого телевидения "Пи-Би-Эс" Джордж Сорос сказал, что «финансовая система стоит на краю катастрофы». Он убежден в том, что «время, когда Америка могла позволить себе иметь все увеличивающиеся дефициты платежного баланса и потреблять на шесть с половиной процентов больше, чем мы производим, подошло к концу». Крайне негативно отзывался о нынешней мировой финансовой системе бывший французский президент Николя Саркози. Он откровенно недоволен нынешним капитализмом как общественным строем. В своих выступлениях Николя Саркози высказался за переход к регулируемому капитализму. Он считает неправильным такое положение, когда целые области финансовой деятельности отданы на откуп биржевым игрокам. Саркози призвал полностью пересмотреть всю финансовую систему мира. Он назвал безумием ультралиберальный тезис о том, что рынок всегда прав. Саркози считает, что необходимо ужесточить государственный контроль за банками и усилить их ответственность за спекулятивные операции с использованием сомнительных финансовых инструментов".

Из приведенного выше краткого обзора видны серьёзные опасения западных аналитиков в отношении перспектив мировой капиталистической системы. Этот пессимизм не случаен. Он объективно отражает реальные тенденции в современном мире. Он полностью подтверждается нынешним мировым финансово-экономическим кризисом. Он полностью согласуется с междисциплинарной общеэкономической теорией. Фундаментальные перемены в мире капитализма - лишь вопрос времени. Подобно тому, как ранний капитализм был вынужден, во избежание гибели, преобразоваться в более цивилизованную форму современного капитализма, так и нынешняя капиталистическая система не сможет справиться с присущими ей глубокими внутренними противоречиями. У неё есть только один выход - исторически своевременная трансформация в более справедливое и гуманное общество. В такое общество, где проблема выживания и развития человечества на фоне обостряющихся глобальных угроз получит приоритет перед сугубо эгоистическими интересами конкурирующих групп. В противном случае нынешняя система безудержного эгоизма неизбежно рухнет и похоронит под своими обломками всю цивилизацию.

В духе вышесказанного возникает вопрос о специфике нынешнего российского капитализма. В период его зарождения в начале 90-х, да во многом и теперь, к нему в полной мере применима уничтожающая критика раннего капитализма, данная Фридрихом Энгельсом: «Самые низменные побуждения – вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния – являются восприимчивыми новыми, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства – воровство, насилие, коварство, измена...» [12, том 21, стр. 99]. Если в советское время господствовала сила приказа, то в новой России она сменилась властью денег. Очень скоро выяснилось, что столь долгожданная свобода одних оборачивается несвободой других. Нельзя без волнения читать семь пронзительных строчек:

«Ведь нет у смертных ничего на свете,
 Что хуже денег. Города они
 Крушат, из дому выгоняют граждан,
 И учат благородные сердца
 Бесстыдные поступки совершать,
 И указуют людям, как злодейства
 Творить, толкая их к делам безбожным»

Эти строки из «Антигоны» Софокла процитировал Карл Маркс в первом томе «Капитала» [12, том 23, стр. 143]. Возник типично капиталистический вопрос, многократно усиленный российским безвременьем 90-х: почём твоя честность? Этот аморальный вопрос имеет давнее происхождение. В России всегда были и честные люди, и воры, и взяточники. В советском прошлом честность провозглашалась главным достоинством человека. Но на практике

этот лозунг часто не работал. Вспомним хотя бы массовые приписки и искажения отчётности о выполнении планов, часто нереалистичных, но обязательных. Или теневые доплаты в конвертах и другие привилегии партийным чиновникам. Но всё это теперь кажется невинными шалостями в сравнении с нынешним разгулом продажности и коррупции. Продаётся всё: честь, совесть, порядочность. Всё зависит только от суммы. Сегодня честность приравнивают к глупости, а ум - к умению зарабатывать большие деньги. "Отчего ты такой бедный, если такой умный?" - этот издевательский вопрос стал обычным среди тех, кому доставляет удовольствие унижить порядочного человека. Им и в голову не приходит, что на честных и работающих людях мир держится! Ещё с времён Адама Смита известно, что материальное производство - единственный источник благосостояния людей. Не станет реальных продуктов, и любое общество неминуемо вымрет. Труд честен по определению. Главный вред от нечестности, жульничества и мошенничества как раз и состоит в том, что нарушается нормальный, естественный, столь необходимый процесс общественного производства. И тогда наступает кризис.

В повседневной жизни трудно быть каждую минуту правдивым, да и не всегда нужно резать правду-матку. Речь - не о бытовой нечестности. Концентрированное и крайне опасное проявление нечестности - коррупция. Для того чтобы понять сущность процессов, захвативших Россию после августа 1991 г., важно видеть, что тогда произошло не рождение новой системы, а развал старой. Ускорился процесс распада всех институтов власти. В той атмосфере он многими воспринимался как благо. Но вместе с этим шел распад уважения к государству как таковому, распад уважения к закону. Попытка реформаторов создать класс собственников как опору демократии быстро перешла в номенклатурный дележ собственности, до этого государственной. Большевики, взявшие власть в 1917 году, начали свое правление с того, что отобрали собственность у всех. А в 1991 году кончилось тем, что собственность захватили госчиновники. Из опекунов народного добра они превратили себя в собственников. Падение советской власти многие использовали в целях личного обогащения. Целые состояния были сделаны в период "шоковой терапии". Ваучерная приватизация была не чем иным, как более упорядоченным процессом передачи собственности в руки номенклатуры и организованной преступности. С каждым витком приватизации коррупция усиливалась, ибо никаких механизмов контроля над обвальной приватизацией не было. Затем начался этап липовых аукционов, захвата заводов, подкупа чиновников, подлога документов и ряда других мер для того, чтобы захватить производственный сектор экономики. Этот бандитский захват подавался как реформа, как переход к рыночной экономике. Больше кощунство трудно себе представить. Дележ советских заводов между монополистами безо всякого закона, путем мафиозных разборок, заказных убийств и взяток, никак нельзя назвать переходом к рыночной экономике. Коррупция стала главным элементом процесса

приватизации. Создалась беспрецедентная ситуация. Новоявленные владельцы средств производства стремились не к тому, чтобы усилить своё производство, а к тому, чтобы как можно скорее выкачать всё из этого производства, даже если это приведёт к его разрушению. Сколько ужасающих примеров по всей России, как растащили, разворовали, распродали целые заводы, пароходства, институты и другое добро! Захват средств производства коррумпированной номенклатурой стал национальной катастрофой для России. Это привело к деиндустриализации страны и обнищанию народа, к ослаблению её обороноспособности.

В сущности, само государство и явилось главным строителем коррупции. Она расширялась по всем направлениям и охватывала все слои общества. Объективно коррупция выступала как рычаг осознанной государственной политики. Такого вообще не было в истории России со времён Ивана Грозного. Масла в огонь подливали средства массовой информации. Россияне увидели на экранах телевидения активнейшую пропаганду того, как надо уходить от налогов и как вкладывать деньги в финансовые пирамиды (вспомним Лёню Голубкова с его родной МММ). Вся эта рыночная вакханалия закончилась закономерным дефолтом в августе 1998 года. В 2008-2009 снова разразился кризис. И вот теперь, после некоторого оживления и стабилизации, страна снова в предкризисной стагнации. Говорят, всё это приходит к нам с Запада. Но это - слабое утешение. Зёрна западного кризиса падают на вполне подготовленную российскую почву. Хотя бы потому, что мы увлеклись интеграцией и стали слишком сильно зависеть от западной экономики, позабыв о собственной экономической безопасности. Может быть, такое развитие событий заставит нас уважать и по достоинству оценивать честный труд? Не сумеем сделать правильные выводы - окончательно скатимся в разряд слаборазвитых стран, окажемся на задворках цивилизации. И не помогут нам никакие золотовалютные резервы, ибо они не накормят огромную страну. Не поможет и наш военный арсенал - он захиреет вместе с остальным производством. Нечестность подобно раковой опухоли разъедает все органы сложного социально-экономического механизма. Последствия видны уже во всём.

Инфляция. Она стала притчей во языцех. Титулованные экономисты не жалеют времени и бумаги на научные трактаты. Но умалчивают о главном - об элементарной нечестности и неуёмной жадности продавцов. Зачем трудиться, наращивать производство, совершенствовать технологию и заботиться о качестве, если можно просто повышать цены на свою продукцию? Это делают нагло, с полной уверенностью в своей безнаказанности. Но не зря говорят: сколько бы верёвке не виться, а конец найдётся! Надо только быстрее этим заниматься.

Безработица - первый признак и главный бич экономического кризиса. Многие предприятия попадают в трудное положение. Они вынуждены

сокращать производство из-за трудностей со снабжением сырьем и сбытом продукции. Как следствие - сокращение персонала, вынужденные отпуска, снижение или несвоевременная выплата заработной платы. Это - объективные явления. Но немало и таких, кто под сурдинку набивает собственные карманы. На общем неблагоприятном фоне они беззастенчиво действуют по принципу "чем хуже, тем лучше". Судьба собственного производства и его работников их не волнует. Эти нечестные временщики готовы в любой момент сбежать за границу, прихватив с собой "заработанные" капиталы. Неужели им это удастся?

Банкиры. Им нелегко, и государство оказывает им значительную помощь. Но на что расходуются эти средства? Доходят ли они до реального сектора экономики? Нет ли необоснованного сокращения кредитования предприятий и граждан? Увы! Много тех, кто с помощью хитроумных операций переводит полученную финансовую помощь на зарубежные счета, конечно не без выгоды для себя. Это - особо наглый и крайне опасный вид воровства, и его следует пресекать самым безжалостным образом.

Чиновники. Коррупция в этой среде получила широкое распространение: взяточничество, незаконное участие государственных служащих в коммерческой деятельности, владение пакетами акций, работа на оплачиваемых должностях в хозяйствующих структурах, уход от уплаты налогов, сокрытие или искажение деклараций о доходах и имуществе, оформление имущества на своих родственников, друзей или подставных лиц, а также многое другое. Необходимо усовершенствовать законодательство, усилить административную и уголовную ответственность за служебные злоупотребления и экономические преступления, обеспечить неотвратимость исполнения законов.

Частный сектор. Он страдает от кризиса, и ему необходима государственная помощь. Но и спрашивать надо по всей строгости, чтобы частники под видом предпринимательской деятельности не занимались мошенничеством и не прятались за ширму самостоятельности хозяйствующих субъектов. Ельцинское законодательство, во многом действующее до сих пор, следует подвергнуть антикоррупционной ревизии. Пока этого не произойдет, мы так и будем заниматься сизифовым трудом – одной рукой порождать экономические преступления, а другой бороться с ними. Нельзя и дальше мириться с тем, что директора предприятий назначают себе и своим приближенным несуразно высокую зарплату, осуществляют незаявленные (и как правило незаконные) виды деятельности в ущерб своему предприятию, создают фирмы-однодневки для быстрого личного обогащения, позволяют себе нецелевое расходование государственной помощи, допускают необязательность и жульничество при выполнении хозяйственных договоров и бизнес-планов. Деятельность многих предприятий наносит вред окружающей среде. Но и здесь предприимчивые ловкачи находят нечестный выход - хорошо оплаченные нужные результаты анализов и экспертиз, незаконная выдача заключений, лицензий, сертификатов качества. Нельзя мириться с полемками и авариями

по вине неграмотных и безответственных "предпринимателей". Нельзя мириться с тем, что в торговле стали обычными явлениями обман покупателей, продажа некачественных товаров, завышение наценок торговыми посредниками.

Наука. Нам уже давно пора не кичиться научными достижениями советского прошлого, а трезво оценить настоящее и думать о будущем. Конечно, отдельные прорывы есть. Но они не меняют общей удручающей картины. Критерием успехов здесь, в конечном счёте, может быть только реальный рост научно-технического потенциала страны. А пока что, несмотря на внушительную армию профессоров и академиков, страна никак не может выбраться из разряда отстающих. К сожалению, и в этой, казалось бы высококультурной, среде, нечестность делает своё чёрное дело. И академики иной раз не гнушаются ловкого очковтирательства. Сплошь и рядом за новые научные исследования выдают перелицованные разработки советских времён. Дошло до того, что не стесняются публиковать под собственным именем переведенные на русский язык и слегка изменённые зарубежные статьи.

О состоянии прикладной науки и говорить не приходится. Она развалена, а ведь без неё невозможны разработка и промышленное освоение наукоёмких отечественных технологий. Только в оборонных отраслях положение ещё терпимое. Но надолго ли? Ведь в народном хозяйстве всё взаимосвязано. Некоторые уповают на развитие малого и среднего бизнеса в научно-технической сфере, на избитый тезис столетней давности о том, что конкуренция - главный двигатель научно-технического прогресса. Напрасные надежды. Это было в прошлом, иногда бывает и в наше время. Но в современной сложной экономике таким путём редко рождается что-то серьёзное. Обычно процветают никчемные нововведения и псевдонаучные поделки за солидные откаты. Не хочется огорчать учёных коллег, но думается, что всё-таки не обойтись и без серьёзной реформы РАН с её институтами, и без создания по-настоящему дееспособных научно-технических комплексов, и без усиления государственного управления в научно-технической сфере. Реальные научно-технические достижения зиждутся на трёх китах: сильной мотивации, высокой компетентности и объективных условиях для эффективной работы. Со всем этим у нас пока плохо.

Образование. И в этой сфере давно пора прекратить разговоры о прежних советских достижениях. Сегодня мы явно и сильно отстаём. Это начинается ещё со школы: убожество материальной базы, дефицит способных и умелых учителей, непродуманность учебных программ, высокие оценки и медали не за успехи учеников, а за услуги родителей и т.д. Стали обычными такие явления, как поступление в вузы по родству, знакомству или за взятку; положительные оценки за взятки преподавателям; покупка липовых аттестатов, дипломов и учёных степеней. Образовательные стандарты устарели и не отвечают требованиям сегодняшнего дня. Но даже их обновление не гарантирует строгого

выполнения. Углубляется разрыв между образовательными стандартами и учебными планами. Последние часто состоят далеко не из деловых соображений.

Здравоохранение. Оно стало одной из самых коррупционных сфер. К сожалению, здесь получили широкое распространение платные медицинские услуги без гарантий достоверности диагностики и эффективности лечения. На халатных, некомпетентных и нечестных эскулапов бывает трудно найти управу. Трудно, но необходимо. Ибо всё чаще при обращении за медицинской помощью нет уверенности, что тебе действительно помогут.

Это - далеко не полный перечень наших проблем. Вывод очевиден: без совести цивилизованный рынок существовать не может. Без планомерного и целенаправленного искоренения нечестности во всех сферах нашей жизни страна обречена на прозябание. Никакие финансовые вливания сами по себе страну из кризиса не выведут, и уж тем более не обеспечат устойчивого развития в будущем. Честность традиционно считается нравственной категорией. Но в России она всё больше становится важнейшим приоритетом социально-экономической политики.

Одним из хронических недугов является инфляция. Обсуждая эту проблему, некоторые вполне серьёзно утверждают, что с ростом цен вообще не нужно бороться, достаточно компенсационных выплат населению. Такая точка зрения напоминает позицию больного, который не желает лечиться, ограничивается симптоматическими средствами и загоняет болезнь вглубь. Другие видят в качестве главной причины инфляции совокупность монетарных факторов. Третьи считают, что инфляция - это не российское явление и занесена к нам из-за рубежа. Перечень мнений можно продолжать. Но дело в том, что всё это - частности. Сегодня важно понимать, насколько изменилось содержание традиционных понятий инфляции и конкуренции в сложных условиях современной экономики. Более того, необходимо учитывать, что в нынешней России эти явления имеют свои особенности. Наша реальная жизнь сильно отличается от того, чему продолжают учить традиционные экономические теории. В экономических журналах, на бесчисленных форумах, симпозиумах и круглых столах с важным видом ведутся разговоры о том, насколько сложным феноменом является инфляция, какое великое множество факторов на неё влияет и как трудно всё это изучить и понять. Конечно, не следует преуменьшать сложность этого экономического явления. Но трудно отделаться от впечатления, что бесконечные разговоры об этом грешат явным преувеличением. Всё больше признаков того, что на этой сложности пытаются спекулировать. Чем "сложнее" явление инфляции, тем "убедительнее" теоретическое обоснование самоуспокоенности и бездействия тех, кто обязан с инфляцией бороться. Можно год за годом писать респектабельные статьи и защищать диссертации, готовить правительству невнятные "рекомендации", участвовать в подготовке обтекаемых "концепций", давать хорошо

оплачиваемые "консультации". Одним словом, тянуть время и имитировать реальную работу, не забывая при этом регулярно получать заработную плату. А инфляция тем временем делает своё чёрное дело - подтачивает реальную экономику и бьёт по благосостоянию большинства населения. Как в этой ситуации не вспомнить реплику Карла Маркса: «Буржуа, а особенно буржуа, возведенный в сан государственного мужа, дополняет свою низость в практических делах теоретической высокопарностью» [12, том 8, стр. 176].

Необходимо в полной мере осознать, что в основе российской инфляции и до сих пор лежат последствия "шоковой терапии" начала и середины 90-х годов. В одночасье стало возможным зарабатывать не путём выпуска реальной продукции, а путём повышения цен при свёртывании производства. В тотально монополизированной советской экономике цены удерживались в приказном порядке. В либеральной экономике при свободном ценообразовании ограничителем цен служит конкуренция. И вот первый ограничитель исчез, а второй не появился. Экономика оказалась и без плана, и без рынка. Отсюда - неизбежная стагфляция начала 90-х. Этот всплеск спекулятивной мотивации оказался настолько сильным, что инерция этого психологического фактора сохраняется до сих пор. Предпочитают идти по линии наименьшего сопротивления: ведь повышать цены куда проще, чем наращивать выпуск, совершенствовать технологию, заботиться о качестве продукции. Возникла и до сих пор раскручивается инфляционная спираль зарплата-цены. Этот порочный круг и в самом деле нелегко разорвать. Ситуация усугубляется зависимостью страны от импорта. Открытость экономики оказалась палкой о двух концах: с одной стороны, она избавила страну от тотального дефицита на период обвального спада производства, а с другой - стала тормозом на пути восстановления и развития отечественного производства. В этом аспекте всплеск инфляции частично объясняется ростом объёма денежной массы, за которым не успевает рост предложения отечественных товаров, а дорожающее импортное продовольствие подливает масла в огонь.

Имеет свою специфику и российская конкуренция. Бесконечные упования на конкуренцию прикрывают профессиональную несостоятельность многих чиновников на ответственных постах в экономических ведомствах. Они насаждают конкуренцию даже там, где она неуместна и вредна. Для оценки идеи разделения системы электроснабжения на монопольные и конкурентные области даже невозможно подобрать корректное выражение. Остается радоваться, что у наших рыночных энтузиастов ещё не дошли руки до аналогичной "дезинтеграции" газовой отрасли. Другой пример - расхожие утверждения о том, что конкуренция позволит решить проблемы ЖКХ. Конкуренция в ЖКХ – обман обывателя, маскирующий уход государства от обязательств в важнейшей сфере жизнеобеспечения. Никто не против конкуренции в сфере оказания частных услуг собственникам квартир. Но состояние отрасли в целом определяют

котельные, водопроводные станции и станции водоочистки, которые были и останутся безальтернативными, как и инженерные сети. Вместо планомерного приведения мощностей коммунальных предприятий в работоспособное состояние, разрушают существующие ЖЭК-и, подбрасывают населению право выбора управляющей компании и повсеместно насаждают товарищества собственников жилья.

Примечательно, что неумеренные любители конкуренции не выговаривают слово «специализация», которая является антиподом примитивно воспринимаемой конкуренции. Однако именно специализация в сочетании с концентрацией производства является залогом успеха в завоевании лидирующего положения на современном рынке. В первую очередь это относится к высокотехнологичным отраслям производства, выходящим на глобальный рынок. Для управления современным производством в исполнительной власти и на уровне корпораций нужны грамотные, системно мыслящие инженеры, а не только финансовые менеджеры. Конечно, в современной рыночной экономике ценообразование и конкуренция по-прежнему взаимосвязаны. Но давно ушли в прошлое времена полного господства благодворной свободной конкуренции, этого честного соревнования товаропроизводителей, двигателя экономической эффективности и научно-технического прогресса. Такая конкуренция осталась лишь на бумаге в экономико-математических моделях, с помощью которых студентов учат экономической теории. В реальной жизни конкуренция, не утратив полностью своей былой роли, приобрела новые черты, часто выходящие на первый план.

Концентрация производства способствует монополизму. В любом экономическом учебнике можно прочитать о вреде монополизма, который стремится прибрать к рукам весь рынок, задушить экономическую свободу, повысить цены, воспрепятствовать научно-техническому прогрессу. Справедливо подчёркивается необходимость и важность антимонопольного законодательства. Всё это так. Но в наше время явление монополизма тоже претерпело эволюцию. Необходимо отметить как минимум две важные особенности современной экономики, которые часто не воспринимаются или игнорируются нашими экономистами ультралиберального толка. Во-первых, в наше время крупное предприятие совсем не обязательно является злонамеренным монополистом со всеми его пороками. В одном из лучших отечественных учебников по рыночной экономике [22] приводится в качестве примера корпорация ИБМ, которая является признанным лидером мирового производства элементов компьютерных и информационных технологий. Подчёркивается, что эта компания уже многие годы наращивает (а не сокращает) производство, постоянно совершенствует (а не ухудшает) качество изделий, находится на передовых рубежах научно-технического прогресса (а не препятствует ему), гибко маневрирует ценами (а не старается сохранить их монопольно высокими). Авторы делают важный вывод: "ИБМ

и подобные ей корпорации едва ли можно считать монополиями" [22, стр. 261]. В другом популярном, переведенном с английского, учебнике также высказывается немало интересного о современном понимании конкуренции и монополии [11]. Авторы, отдавая должное конкуренции как стимулу материального интереса и экономического роста, в то же время отмечают многие её негативные черты в условиях современного высокотехнологичного производства. Обращается внимание на то, что современная конкуренция слишком часто оборачивается крайней степенью эгоизма. Подчёркивается, что в нынешнюю эпоху "достижение максимальной эффективности производства на основе применения новейшей технологии часто требует существования небольшого числа крупных фирм, а не большого числа мелких" [11, стр. 88-89]. Авторы пишут и о том, что у конкурентной экономики со временем выявились такие недостатки, как расточительность использования ресурсов в погоне за немедленной прибылью, экономическая неэффективность, резкое неравенство доходов, систематические нарушения рыночного механизма, неустойчивость и т.д.

Кроме того, современной конкуренции присуще стремление не столько к состязательности, сколько к монополизму. Это важное изменение производственных отношений современного капитализма впервые отметил ещё Джеймс Гэлбрейт в середине минувшего века. Он утверждал, что в результате концентрации производства современный капитализм утратил прежнюю способность к саморегулированию через механизм взаимодействия спроса и предложения на основе классической рыночной конкуренции. На смену свободной конкуренции пришло новое экономическое явление, которое Гэлбрейт назвал "уравновешивающей силой". Эту теорию он развил в своей книге "Американский капитализм: концепция уравновешивающей силы" [23]. Согласно этой теории, в современной экономике сформировался "коллективный монополист" покупателей. Ему противостоит коллективный монополист продавцов. Их интересы противоположны: продавцы хотят дороже продать, покупатели - дешевле купить. Силы обеих сторон уравновешиваются путём соглашения. Процесс такого уравновешивания выступает, согласно Гэлбрейту, регулятором производственных отношений современного капитализма. Эту теорию Гэлбрейта, конечно, не следует возводить в абсолют. Трудно установить "китайскую стену" между совокупным продавцом и совокупным покупателем. В реальной жизни всегда бывает так, что продавцы одних товаров являются покупателями других. Тем не менее, эта теория в современных условиях нынешней России приобретает актуальность. "Перетягивание каната" между продавцами и покупателями всё чаще проявляется со всей очевидностью. Стремление "коллективной монополии" продавцов повышать цены у нас называют "сговором". Арбитром в этом жёстком ценовом противостоянии обязано выступать государство в лице федеральной и региональных властей.

В регионах уже накоплен опыт в этом отношении. Интересным примером является перевозка населения маршрутными такси. В Ярославле допуск частных к автомобильным перевозкам населения в своё время позволил немедленно решить транспортную проблему, которая не решалась в течение десятилетий до этого! Не скажешь, что здесь всё идеально: случаются аварии, сбои, нарушения установленных правил перевозок. Но, при всех изъянах, это - пример того, как свобода предпринимательской деятельности способна дать быстрые положительные результаты. При всей очевидной множественности частных водителей как "субъектов предпринимательской деятельности", между ними едва ли может возникнуть сколько-нибудь серьёзная конкуренция. Здесь она, по всей вероятности, была бы неуместна и даже вредна. Есть установленные маршруты, эксплуатационные требования, правила безопасности, которые никому не позволено нарушать. Возможности для состязательности ограничены. Естественно, частные автоперевозчики заинтересованы в высокой цене, а пассажиры - в низкой. Арбитром выступает городская власть, благодаря чему система стабильно работает на благо всех горожан. Спрашивается, что мешает перенести этот положительный опыт в сферу регулирования цен на другие, наиболее социально значимые, товары и услуги? Конечно, розничная торговля продуктами питания или отпуск топлива на бензоколонках - это не перевозка пассажиров маршрутками. Но есть и много общего. Есть производители, заинтересованные в достаточно высоких ценах, покрывающих производственные издержки и дающие прибыль. Есть покупатели, заинтересованные в возможно более низких ценах. И есть торговцы - посредники, заинтересованные в как можно более высокой торговой наценке. Всё это вполне поддаётся регулированию региональными властями, а в случае необходимости - с участием центра.

Анализ социально-экономических перемен в нашей стране за последние десятилетия стал центральным в междисциплинарной общеэкономической теории. Сформулированы основной экономический закон и коренное противоречие того варианта социализма, который в силу объективных причин оказался построенным в СССР. Рассмотрен вопрос о том, была ли перестройка объективной необходимостью или исторической случайностью. Обоснован вывод, что кризис советской системы - это, в первую очередь, результат вырождения мотивации к труду. Проанализированы различные аспекты "радикальной экономической реформы": стагфляция, приватизация, разрушение экономического пространства, деградация производственных фондов, вырождение научно-технического прогресса, усиление социального расслоения и т. д. На основании этого анализа сделан однозначный вывод о том, что "шоковый" скачкообразный переход от советской социально-экономической системы к системе либеральных принципов объективно невозможен, а сами эти принципы во многих отношениях не соответствуют долговременным тенденциям общественного развития. Степень свободы в российском обществе должна быть оптимальной: избыток свободы столь

же вреден, как и её недостаточность. Избыток свободы приводит к хаосу и анархии, к расцвету воровского и мошеннического "бизнеса", к техногенным авариям и катастрофам, к проникновению во власть антиобщественных элементов, к разгулу преступности, к рецидивам терроризма. Дефицит свободы ведёт к всевластию коррумпированной бюрократии, закрывает дорогу к власти способным и честным политикам, подавляет экономическую активность продуктивного и компетентного бизнеса, мешает взаимовыгодному международному сотрудничеству. Неучёт этих выводов приводит к просчётам в политике, к технологическому отставанию страны вместо ожидаемого прогресса, к росту зависимости от заграницы в критически важных областях, к ущербу для национальной безопасности, к финансово-экономическим кризисам и социальной напряжённости.

Нынешняя Россия переживает сложное время. С одной стороны, минувшие десятилетия с начала перестройки внесли в нашу жизнь немало хорошего. Разрядка в международных отношениях, исчезновение вечного страха перед возможностью начала ядерной войны. Свобода творчества и возможность предпринимательской деятельности, отсутствие политических репрессий, широкие возможности выбора профессии, свобода торговли. Широкие связи с внешним миром, возможность зарубежных поездок. Возможность учёбы, работы и отдыха за границей. Разнообразие продуктов питания, одежды, обуви, всевозможных услуг для населения. Совершенные модели импортных автомобилей, великолепная бытовая техника. Новейшие средства связи и информации. Компьютеры, мобильные телефоны и интернет. О многом из этого советские люди не могли и мечтать, и нынешние россияне отнюдь не желают с этим расставаться. С другой стороны, минувшие годы создали множество проблем. Распад СССР, обвал народного хозяйства, обнищание миллионов людей, всплеск преступности - дорогая цена, которую пришлось заплатить за отказ от тоталитарной, полностью командной экономической системы. Можно ли было совершить этот переход без столь драматических последствий? Вероятно, да. Но что случилось, то случилось. Переход осуществляли именно эти люди, а людям свойственно ошибаться.

8. Новое гуманное общество – историческая альтернатива капитализму и коммунизму

Междисциплинарная общеэкономическая теория приводит к выводу о нецелесообразности и невозможности сохранения в России рецидивирующего с 90-х годов капитализма, с его безудержным эгоизмом, вопиющей социальной несправедливостью и регулярными кризисами. Но и коммунистическая утопия не имеет реальной исторической перспективы. Доказывается безальтернативность эволюционного движения России к обществу нового типа, к новому гуманному обществу, оптимально соединяющему экономическую эффективность с социальной

справедливостью. В этой части междисциплинарная общеэкономическая теория продолжает и развивает идеи академика Андрея Дмитриевича Сахарова о конвергенции как объективном историческом процессе современной эпохи [24].

Идея нового гуманного общества была выдвинута мной в середине 90-х годов. «Российская газета» по заданию Бориса Ельцина объявила летом 1996 года конкурс на российскую национальную объединяющую идею. Победителю конкурса было обещано солидное денежное вознаграждение. Я подготовил небольшую статью и послал в редакцию. Прежде всего, высказал мнение, что национальную объединяющую идею нельзя придумать за деньги. Такое не покупается и не продается. Чтобы национальная идея не испарилась вместе с гонораром её автору, чтобы она действительно работала на консолидацию общества, необходимо важное условие. Необходимо, чтобы национальная объединяющая идея основывалась на глубоком понимании и использовании объективных законов общественного развития. В статье была подвергнута критическому анализу обстановка в России. Подчеркивалось, что стране необходима серьезная корректировка социально-экономического курса. Отбросив прошлое, с водой выплеснули ребёнка. Ни одна развитая страна уже не живет в условиях экономического беспредела, в обстановке хаоса и анархии, без тех или иных форм планирования развития народного хозяйства, без разумного государственного регулирования цен и доходов. Это был призыв не к возврату в прошлое, а к осознанию реального положения, сложившегося в России. Далее в статье говорилось: «Нам нужна глубокая вера в силу человеческого разума, в его способность познать окружающий мир во всей его сложности. Нужна вера в действенность человеческой доброты и порядочности, вера в способность россиян устроить жизнь в своей стране истинно по-человечески. Такую жизнь, при которой люди проявляли бы свою энергию в созидательном труде, а не в стремлении оттолкнуть, обмануть или унижить ближнего, чтобы урвать лишний кусок от скудного общественного пирога». Статья была опубликована в «Российской газете» 17 сентября 1996 года. К сожалению, редакция придумала для неё неудачный заголовок. Что же касается конкурса, то он так и не был завершен.

Планомерное, всестороннее, устойчивое, бескризисное развитие в течение достаточно продолжительного времени объективно приведёт Россию к новому гуманному обществу [25]. Оно впитает в себя лучшие черты и нашего, и мирового исторического опыта. В отличие от советского социализма новое гуманное общество будет иметь политическую свободу, многообразие форм собственности, возможность заниматься предпринимательской деятельностью, свободу выбора профессии, свободу торговли, открытость внешнему миру и интегрированность в мировую экономику (разумную, не в ущерб национальной безопасности). В отличие от капитализма новое гуманное общество будет иметь плановую систему всестороннего и устойчивого развития народного хозяйства, без регулярных

разрушительных экономических кризисов. Оно будет иметь открытую и неспекулятивную финансовую систему, социальную направленность политики, общественно приемлемую степень социального расслоения, надёжные средства обуздания коррупции и экономической преступности. В новом гуманном обществе будут предприятия различных форм собственности, будут экономическая свобода и возможность продуктивной предпринимательской деятельности. Но, в отличие от того, что мы имеем на сегодняшний день, богатство будет зарабатывать умом и талантом, честным высококвалифицированным трудом и организаторскими способностями, а не добываться обманом, воровством, коррупцией, жульничеством, мошенничеством, имитацией реальной работы.

Междисциплинарная общеэкономическая теория отвергает умозрительные доктрины о постепенном неизбежном отмирании государства как регулятора общественного развития. Новая теория приводит к выводу о непреходящей определяющей роли фактора государственной социально-экономической политики в общественном развитии. Это означает, что в общеисторическом процессе регулирующая роль государства не ослабевает, а усиливается. Вместе с этим изменяются регулирующие функции государства, повышаются его ответственность, эффективность и социальная направленность проводимой политики. Следует признать в равной мере ошибочными как коммунистическую доктрину о будущем общественном самоуправлении, так и либеральную мифологию о будущем гражданском обществе с безбрежной демократией. В новом гуманном обществе сохранится ключевая роль государства, но это будет новый тип государства, с обновлёнными конституционными функциями. Провозглашенное в Конституции РФ российское социальное государство должно на деле обеспечивать национальную безопасность во всех её аспектах, планировать и реализовывать всестороннее социально-экономическое развитие страны, регулировать функционирование рынка путём координации деятельности государственного и частного секторов в общенациональных интересах, осуществлять в качестве главного приоритета повышение уровня жизни большинства населения, предотвращать недопустимо высокую степень социального расслоения, гарантировать основные демократические свободы и законные права личности, пресекать нарушения законодательства, создавать условия для превращения науки и культуры в факторы, определяющие дальнейшее общественное развитие. Только в таком государстве удастся решить коренные проблемы нашего развития и главную их них - демографическую. Только в таком государстве удастся победить коррупцию. Она подобно раковой опухоли разъедает нашу жизнь, становится форменным национальным бедствием, реальным препятствием для дальнейшего социально-экономического развития. Главная опасность этого явления для нашей страны даже не во взятках как таковых. Главная опасность в том, что огромная многонациональная страна, к тому же обладающая колоссальным ракетно-

ядерным потенциалом, продолжает вместо производительной экономической деятельности активно заниматься спекулятивным, а то и криминальным, перераспределением материальных благ. Мы не Швейцария и не Дания. Таковую Россию никто не накормит, она в таком виде никому не нужна.

Особой заботой государства должно стать предотвращение антиобщественного использования достижений науки и техники. В мире стремительно разворачивается новый виток научно-технической революции. Применение нанотехнологий в биологии и медицине, создание новых наноматериалов и новых источников энергии, всевозможные наноразмерные устройства - всё это способно принести огромную пользу человечеству, но и причинить непоправимый вред. Создание молекулярных нанокomпьютеров откроет человечеству невиданные, поистине фантастические возможности. Человек научится вживлять эти сверхминиатюрные устройства в свои ткани и органы. Начнётся широкое внедрение в организм датчиков и других приборов. Реальные очертания приобретёт создание "искусственного интеллекта". Будущий *homo sapiens* будет качественно отличаться от нынешнего за счёт симбиоза с молекулярной электроникой, с другими продуктами высоких технологий, с интернетом. Для будущего человека станет доступна вся информация, накопленная предками, её полностью оцифруют. В его распоряжении окажутся неограниченные резервы памяти, мощные технологии вычислений и обработки данных, более надёжные оценки и прогнозы. Новые технологии можно будет использовать для коррекции психики, ограничения агрессии, блокирования боли, мобилизации сил. Не исключено, что, достигнув такого уровня, человек даже захочет и сумеет решить проблему своего бессмертия. Будущее человечества будет решающим образом зависеть от того, в чьи руки попадут плоды научно-технической революции. Уже разрабатывается концепция будущих "нановойн", создаются новые виды "нанооружия". Легко представить себе, что произойдёт, если эти научные достижения окажутся в руках безудержных эгоистов или безответственных политиканов!

Заключение

По-видимому, ни одна историческая личность не пользовалась таким глубоким уважением, фанатичной преданностью одних и столь же откровенным неприятием, лютой ненавистью других, как Карл Маркс. Автор этой книги никогда не скрывал своего уважения к личности и научному наследию Маркса. За это в постсоветской России он и подвергался нападкам со стороны тех, кто при советской власти держал язык за зубами, а когда власть сменилась, разразился грубой бранью в адрес Маркса. Недруги Маркса часто приводят в качестве «убийственного аргумента» известную статью Саймона Сибэга Монтефиоре в английской «Дейли Мейл» от 16 июля 2005 г. под недвусмысленным заголовком «Чудовище под именем Маркс». В статье подробно и красноречиво описаны исторические последствия применения марксизма на практике. «Ни одно философское учение не служило оправданием для такого количества убийств, как его теории. Его кредо - равенство и свобода - превратилось в подобие религии, чьи фанатичные приверженцы правили половиной мира и порабощали сотни миллионов людей» - пишет Монтефиоре о Карле Марксе. И продолжает: «Угнетение, пытки, голод и геноцид, освященные его именем, превратились для жестоких правителей по всему миру в повседневную рутину». И здесь же автор сетует на то, что по опросам общественного мнения Карл Маркс продолжает оставаться величайшим философом всех времён и народов. Монтефиоре этого не понимает. Он задаётся вопросом: «Как могло случиться, что человека, чьим именем деспоты оправдывали чудовищное варварство, прославляют в качестве одного из титанов цивилизованного мира?» И сразу же, хочет он того или нет, сам даёт ответ на свой вопрос: «Возможно, все дело в истолковании понятий. Может быть, величайшим следует считать того философа, чьи идеи оставили самый глубокий след в истории? В этом случае, несомненно, наследие Маркса по своему масштабу может сравниться разве что с его же катастрофическими последствиями. Недаром он говорил: «Философы лишь различным образом объясняли мир, дело же заключается в том, чтобы изменить его». И это Марксу действительно удалось. Через 100 лет после его смерти половина населения планеты находилась под властью режимов, исповедовавших марксизм в качестве основополагающего учения. По подсчетам автора, «в XX веке по прямому приказу убежденных марксистов, действовавших именем своего идола, было убито более 150 миллионов человек». В заключение автор, похоже, сменил гнев на милость: «Да, Маркс не несет прямой ответственности за совершенные убийства. Вина за них лежит на тех, кто

отдавал приказы и нажимал на спусковой крючок. Но это не значит, что можно игнорировать утопизм, нетерпимость, аморальный абсолютизм и научную беспристрастность марксовской идеи, которыми оправдывались самые кошмарные деяния XX столетия. В этом и состоит истинное наследие «величайшего философа всех времен и народов».

Выразительный памфлет, ничего не скажешь! Но истеричное нагромождение фактов, пусть и столь страшных, не умаляет научной ценности экономического наследия Маркса, ярко выраженного в «Капитале». Использование достижений науки часто имеет негативные исторические последствия, и экономическое учение Маркса не является исключением. Фундаментальные научные исследования невозможно разграничить с помощью цензуры по принципу «что такое хорошо и что такое плохо». Чем больше новых знаний добывает наука, тем больше возможностей для их применения в различных областях деятельности людей. Это относится и к физике, и к химии, и к биологии, и к экономике, и к социологии. Разве не имели катастрофических последствий достижения физики в изучении атомного ядра? Разве не были созданы, наряду с лекарственными средствами, чудовищные отравляющие вещества на основе достижений в области химии? Разве не было разработано бактериологическое оружие на базе достижений микробиологии? Разве уже сейчас не разрабатываются «нанооружие» и катастрофические проекты «нановойны» на основе нанотехнологий? Эти технологии способны принести человечеству и невиданный расцвет, и самоуничтожение. По логике господина Монтефиоре надо заранее ставить крест на всей науке подобно тому, как он проклинает Маркса и его экономическое учение.

Эта «логика» не пройдёт! Наука не виновата. Суть в том, в чьи руки попадают научные достижения, используются ли они на благо человека или во вред ему. Огромную роль играют и объективные условия, в которых происходит реализация научных достижений. С развалом СССР марксизм перестал быть официальной идеологией в России. Но остались объективные законы общественно-экономического развития. Их никто не отменял. Хотим мы того или нет, они продолжают оказывать определяющее влияние на нашу жизнь. Их необходимо изучать и использовать в практической политике. Марксизм – не религия, а наука. И, как всякая наука, он должен развиваться. Если необходимо – подвергаться радикальному переосмыслению, как это происходит со всеми другими науками. В этом и состоит задача междисциплинарной общеэкономической теории – политической экономии XXI века. Она переосмысливает, развивает и обобщает экономические учения Маркса, Маршалла, Леонтьева и других великих экономистов, с учётом достижений научных дисциплин о природе, человеке и обществе, применительно к новым историческим условиям.

Мы живем в нелёгкое, но интересное время. Современный капитализм, как и предсказывал Маркс, переживает системный кризис. Мир является свидетелем нарастающего обострения глобальных угроз. Оно происходит на фоне безудержного эгоизма и пагубной разобщённости людей перед лицом общей опасности. Народы всё настойчивее ищут разумную альтернативу этому неустойчивому развитию. Огромный исторический опыт нашей страны будет обязательно востребован. У нас есть уникальный шанс создать новое гуманное общество, с учётом достижений прошлого, не повторяя прежних ошибок, подавая пример другим народам. Нам необходимо планомерное и целеустремлённое развитие, основанное на разумной координации и мотивации экономической деятельности, а не на мелочной регламентации и подавлении любой инициативы. Нашим руководителям необходима политическая воля и твёрдость, основанная на правосудии, а не на жестокости. Россия, с её уникальным историческим опытом, может и должна стать интеллектуальным лидером человечества, объединить народы для их совместного выживания и развития в нашем общем и единственном доме – на планете Земля.

Литература

1. Й.Шумпетер. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1982, с. 263.
2. В.Леонтьев. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. Пер. с англ. - М.: Политиздат, 1990, с. 106.
3. Дж. К. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества. Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1976, с. 56.
4. M. Vaug. Economic Theory in Retrospect. 2-nd Ed. - London: Heinemann, 1968, p. 292.
5. М.И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. - Санкт-Петербург: Типография "Слово", 1909.
6. Э. Жамс. История экономической мысли XX века. Пер. с франц. - М.: Изд. иностр. лит-ры, 1959.
7. В.Ш.Фельдблюм. К общеэкономической теории через взаимодействие наук. - Ярославль: Типография Ярославского государственного технического университета, 1995.
8. Владислав Фельдблюм. Вторжение в незыблемое (путь химика в политическую экономию). - Ярославль: Издательство "Ещё не поздно" ООО НТЦ "Рубеж", 2007.
9. Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. - М.: Соцэкгиз, 1962.
10. А.Маршалл. Принципы политической экономии. В 2-х томах. Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1983.
11. К.Р. Макконелл, С.Л.Брю. Экономикс: принципы, проблемы и политика. В 2-х томах. Пер. с англ. - М.: Республика, том 1, 1992.
12. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е издание.
13. А. Пигу. Экономическая теория благосостояния. Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1985, том 1, с. 71-72.
14. Дж.Сорос. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. Пер. с англ. - М., 2001.
15. Zbigniew Brzezinski. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the Twenty First Century. - New York, Charles Scribner's sons, 1993.
16. Ignacio Ramonet. Geopolitique du Chaos. - Paris, "Galilee", 1997.
17. Alain Touraine. Pourrons-nous vivre ensemble? - Paris, "Edition Fayard", 1997, p.30.

18. Н.А.Киссинджер. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. - New York and London, "Simon and Schuster", 2001.
19. Дж.Стиглиц. Глобализация: тревожные тенденции. Пер. с англ. - М., "Мысль", 2003.
20. Emmanuel Wallerstein. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. - "The New Press", 2003.
21. Zb. Brzezinski. The Choice. Global Domination or Global Leadership? - New York, "Basic Books", 2004.
22. А.Я.Лившиц, И.Н.Никулина и др. Введение в рыночную экономику. - М.: "Высшая школа", 1995.
23. J.K.Galbraith. American Capitalism. The Concept of Countervailing Power. - Boston: "Houghton Mifflin Co.", 1952.
24. <http://www.akademik-sakharov.narod.ru/links.html>
25. Владислав Фельдблюм. К новому гуманному обществу (программа для России) <http://zapravdu.ru/content/view/341/51/>

Приложение 1

Я взял у Маркса самое главное (ответ Сергею Корягину)

Моя статья «О базисе и надстройке», опубликованная в декабре 2013 г. на форуме «Альтернативы», вызвала интерес <http://www.alternativy.ru/ru/node/10127> В частности, Сергей Корягин (человек с ультралиберальными убеждениями) сделал комментарий под заголовком «Марксизм – примитивнейшая философия». Вот что он пишет: *«Духовная сторона жизни (политика, экономика, культура) - сущность, а точнее - понятие ее. Духовная сторона жизни ведет, а экономика к ней приспосабливается. Марксова формула душит все духовное общественной жизни. Это доказала советская практика. Фельдблюм сделал шаг вперед как ученый, но от марксистского "тряпья" отказаться не рискнул. Оппоненты его, придавленные марксизмом, выглядят жалко. В общем потоке жизни голова все-таки важнее, чем брюхо, хотя и без брюха человек не проживет. Да, земля - основа, на которой растет дерево, но земля никак не определяет, какое это дерево. Марксизм - примитивнейшая философия, но всё же философия».* Ниже приводится мой ответ на этот комментарий.

Здравствуй, Сергей! Немного поясню в связи с Вашим комментарием. Дело вот в чём. Приступая к написанию книги «К общеэкономической теории через взаимодействие наук» (1995), я вынужден был самым внимательным образом проанализировать научное содержание понятия «труд». Это - фундаментальное понятие политической экономии, и на нём базируется всё её дальнейшее содержание. Перерыл кучу отечественной и зарубежной литературы. Изучил основополагающие работы Смита, Рикардо, Тюрго, Дж.С.Милля, Кенэ, Маркса, Энгельса, Маршалла, Джевонса, Шумпетера, Леонтьева, а также таких апологетов «экономикс», как Пигу, Самуэльсон, Дж.Робинсон, Петти, Тинберген, М.Фридман и др. Я специально перечисляю всех, чтобы показать достаточную широту охвата. И вот, представьте себе, только в первом томе «Капитала» Маркса я нашел строгое научное определение понятия «труд». Настолько точное и исчерпывающее, что оказалось возможным применить к нему математическое описание на основе глубокой аналогии с некоторыми физико-химическими процессами. Так родилась моя «одушевленная производственная функция» -

краеугольный камень междисциплинарной общеэкономической теории. При этом я не отбросил учение Маркса об общественном характере труда, а наполнил его современным содержанием. Я и до сих пор считаю, что определение Марксом понятия «труд» - главное и самое ценное в его экономическом учении. Это было явно недооценено советскими политэкономками, делавшими упор на революционное содержание марксизма. А оно в нашу эпоху отошло на задний план, ибо мировая социалистическая революция в эпоху оружия массового уничтожения людей равносильна гибели человечества в пламени ядерной войны.

С уважением, Владислав

<http://www.alternativy.ru/ru/node/10127#comment-13401>

Приложение 2

Для понимания сути исторических событий необходим широкий и непредвзятый анализ (ответ Сергею Корягину)

Сергей Корягин написал статью «Развалили и разграбили. Ответ В.Фельдблюму» <http://www.alternativy.ru/ru/node/10144> Очень интересная, талантливо написанная статья. Сергею Корягину не откажешь в изощрённости аргументации. Когда читаешь, может показаться, что её автор во всём прав. Но только на первый взгляд. Беда в том, что аргументация построена на одном-единственном подходе, на осуждении фактов насилия и нарушения законности со стороны власти в ходе исторического процесса. Через эту призму рассматриваются все исторические события, и это мешает широкому, непредвзятому анализу пути, пройденного страной на протяжении многих лет, столь же многострадальных, сколь и героических.

Междисциплинарная общезкономическая теория рассматривает историю, со всеми её поворотами и зигзагами, как закономерный процесс, как единый акт освобождения человечества от насилия и стремления построить более справедливое и гуманное общество. История России - составная часть этого процесса. Более того, что бы ни говорили, Россия вот уже сто лет объективно является фактическим лидером этого процесса. Без признания этого фундаментального тезиса мы не сможем понять нашего прошлого и настоящего, не сможем двигаться по пути прогресса. Нам необходимо бережно хранить и уважать всю нашу историю, без изъятий и искажений. История советской страны началась не с завоевания власти большевиками в 1917 году. До этого были многие годы беспримерного царского деспотизма, всевластия фабрикантов и помещиков. Жестокие издевательства помещиков над крепостными выливались в бунты Разина и Пугачева, в другие бесчисленные выступления. Отмена крепостного права в 1861 году, в сущности, не избавила угнетенных от угнетателей, мало облегчила жизнь бедняков. Сначала народники, а затем русские большевики вели многолетнюю героическую борьбу за свободу и человеческие условия жизни простых людей. Большевиков преследовали, арестовывали и ссылали, многие погибли. Но это их не остановило. И они довели свое правое дело до конца, до победы Октябрьской революции 1917 года, которая была закономерным явлением. Столь же закономерным, как и великие буржуазные революции,

которые произошли до этого во многих странах. Дальнейшие события в России и СССР были подчинены суровой логике выживания страны в условиях враждебного капиталистического окружения и постоянной угрозы внешней агрессии. После Гражданской войны и вторжения Антанты надо было фактически из нуля создавать всё: современную промышленность, механизированное сельское хозяйство, науку и технику, кадры, преодолевать поголовную безграмотность и бескультурье. Наивно думать, что в условиях внутриполитической борьбы можно было обойтись без жестких методов государственного руководства.

Надо беспристрастно оценивать наше советское прошлое. В нём было всё. Был энтузиазм строителей нового мира. Было искреннее желание власти привести страну к счастливому будущему. Была жестокость власти, часто неоправданная. Были просчёты в политике. Была героическая победа в Великой Отечественной войне. Было восстановление в невиданно короткий срок разрушенного народного хозяйства, и это - не меньший подвиг, чем победа в войне. Были впечатляющие достижения в развитии науки, в создании новой техники, в культуре и искусстве, которые возвеличили человека труда и раскрыли его творческие возможности. Был выход в космос, осуществлённый впервые в мире. Было создание великой мировой державы, второй после США по общему уровню экономического развития. Но наступил и период застоя, который в конце концов привёл страну к печально известным событиям. По историческим меркам нам незачем стыдиться нашего советского прошлого. Более того, мы можем им гордиться. Что бы ни говорили, но в общеисторическом масштабе это всё-таки была попытка огромной страны совершить революционный прорыв к более справедливому общественному строю, в отдалённое будущее человечества. И эта попытка необратимо изменила мир.

Ныне капитализм переживает невиданный по масштабам системный кризис. Мир является свидетелем нарастающего обострения глобальных угроз. Оно происходит на фоне безудержного эгоизма и пагубной разобщённости людей перед лицом общей опасности. Народы всё настойчивее ищут разумную альтернативу этому неустойчивому развитию. Огромный исторический опыт нашей страны будет обязательно востребован. У нас есть уникальный шанс создать новое гуманное общество, с учётом достижений нашего прошлого и лучшего мирового опыта, не повторяя прежних ошибок, подавая пример другим народам. Нам необходимо планомерное и целеустремлённое развитие, основанное на разумной координации и мотивации экономической деятельности, а не на мелочной регламентации и подавлении любой инициативы. Нашим лидерам необходима политическая воля и твёрдость, основанная на правосудии, а не на жестокости. Россия, с её уникальным историческим опытом, может и должна стать интеллектуальным лидером человечества, объединить народы с

целью их совместного выживания и развития в нашем общем и единственном доме - на планете Земля.

<http://www.alternativy.ru/ru/node/10145>

Об авторе

Владислав Шуньевич Фельдблюм, доктор химических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Родился в 1935 г. Окончил Ярославский технологический институт (ныне Ярославский государственный технический университет - ЯГТУ). В 1958-1995 г.г. работал в ярославском Научно-исследовательском институте мономеров для синтетического каучука (НИИМСК), ныне ОАО НИИ «Ярсинтез». В течение 32 лет заведовал крупной научно-исследовательской лабораторией. В 1996-2013 г.г. работал профессором кафедры общей и физической химии Ярославского государственного технического университета.

В начале 60-х открыл новые гомогенные катализаторы, позволяющие проводить низкотемпературную димеризацию олефинов (при комнатной температуре и атмосферном давлении). Это пионерское изобретение было защищено авторскими свидетельствами СССР и запатентовано в Англии, Франции, Италии, Германии и др. Руководил многими актуальными технологическими разработками, осуществлял научную координацию исследований с участием специалистов различного профиля. Среди этих разработок – новые способы получения изопрена и бутадиена, новые катализаторы и процессы синтеза олефинов и циклоолефинов, процессы селективного гидрирования, изомеризации, диспропорционирования (метатезиса) и др. Особенно перспективна разработка новой гибкой непрерывной технологии взаимного превращения различных непредельных углеводородов, проверенная не только в лаборатории, но и в полужаводском масштабе. Эта технология открывает возможность расширения сырьевой базы производства важных химических продуктов, вплоть до перевода его в будущем на «безнефтяную» сырьевую основу.

Под его научным руководством разработана и реализована на практике технология получения таких ценных химических продуктов, как циклопентадиен, циклопентен, циклооктен, этилиденнорборнен, эпоксиоктен, триметилсилилпропин, эсперон, кетамин и др. Среди новых продуктов – мономеры для полимерных материалов с ценными свойствами, синтетические душистые вещества, эффективные лекарственные средства, химикаты для применения в специальной технике и т.д. Эти разработки

выполнялись в творческом сотрудничестве с академическими и отраслевыми институтами, вузами, промышленными предприятиями, проектными организациями.

Является автором или соавтором 100 изобретений, 12 книг, более 150 научных статей, научно-технических отчётов, технологических регламентов и других научных трудов. Подготовил 15 кандидатов химических и технических наук. Имеет награды, премии на престижных конкурсах и пр.

Одновременно, в течение почти 40 лет, разрабатывал современную, междисциплинарную общеэкономическую теорию. Всё это время интенсивно занимался самообразованием: изучал политическую экономию, экономику производства, математическую экономику, высшую и вычислительную математику, историю, философию, психологию. Результаты междисциплинарных исследований профессора Фельдблюма обобщены в его книгах «К общеэкономической теории через взаимодействие наук» (1995) и Вторжение в незыблемое: путь химика в политическую экономию» (2007). Активно выступает в интернете в качестве экономиста, философа, социолога и политического комментатора. К настоящему времени область научных интересов профессора Фельдблюма значительно расширилась. В неё входят исследования на стыке наук, аналогия природных и общественных процессов, применение математических методов в гуманитарных науках, создание междисциплинарной общеэкономической теории.

Отзывы и замечания присылать автору по электронной почте:
vladislav_feldbl@mail.ru

Вместо знака копирайта

Настоящее электронное издание не предназначено для продажи, не преследует коммерческих целей, доступно для чтения в интернете, может копироваться и распространяться без всяких ограничений.

Автор